

graffiti

граффити

Е. Владимир ЕШКИЛЕВ

АНДРОГИН

CF FOLIO

Граффити

Владимир Ешкилев

Андрогин

«Фолио»

2012

Ешкилев В. Л.

Андрогин / В. Л. Ешкилев — «Фолио», 2012 — (Граффити)

Роман Владимира Ешкилева «Андрогин» посвящен наиболее таинственному и малоизученному периоду жизни великого украинского философа Григория Сковороды (1722—1794). Напряженный, полный событиями сюжет романа разворачивается в пятидесятые годы XVIII века. Молодой Сковорода странствует по Европе, его судьба вольно или невольно сплетается с интригами политиков, шпионов, авантюристов и масонских лож. История становления философа неразрывно связана с его эпохой, где высокая мистика христианских старцев соседствовала с философией нового времени, языческой эротикой и секретной жизнью орденовских братств. Отзвуки того судьбоносного времени, считает автор, доходят и до наших дней.

ББК 84(4УКР)6

Содержание

Часть I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Ешкилев

Андрогин. Книга странствий

Григория Сковороды

*Я жеслал бы лишь отстоять
пути мои пред лицом Его.*

Книга Иова (13:15)

Молния бьет туда, где люди скрывают грехи и клады.

Молния ищет грешников, находит грешников и не ждет покаяния.

Молния никогда не ошибается, и выводы ее окончательны.

Он снова видит свой главный, свой неотступный сон. Обугленное тело дядьки Галамана в черном круге выгорелой травы. Видит булатный блеск мертвой кожи и пепел цвета старого фарфора, оставшийся от его волос. Видит застывшую желтую пену вместо глаз. Гроздь пены. Видит, как чем-то сухим и черным крошится когда-то мозолистая пята. Все это он видит отдельными кадрами, словно телесные части казненного молнией грешника сами прыгивают к глазам. И нельзя отвести, нельзя закрыть глаз сновидца. По его щекам бегут слезы. Не медленные слезы жалости, а резвые страха. Ибо он молод и ему хочется жить. Хочется греться под солнцем, набивать рот терпкими ягодами, бежать полем под легкими струями летнего ливня.

Но ему, грешному рабу Божьему, – он знает! – уготована такая же огненная казнь. Ибо на небе ведают о его прегрешениях (там ведают обо всем, совокупно с последней спертой им грушей) и готовят прицельную молнию-палача. В момент, когда суровое небо моргнет ею, он упадет и почернеет. Его глаза закипят от неистового жара, треснут и вытекут на скулы пенистыми лужицами, желтыми пузырьками. Тело сгорит, а в грешную душу вцепятся лапы чертей. Возликуют рогатые, с отвратительным визгом затянут душу в самое пекло. Вниз, во тьму-тьмущую, и еще ниже. Туда, где мечтают о тьме. Туда, где не гаснут горнила огненные под исполинскими сковородками. Куда никогда не заглядывают Боженька с ангелами своими. И на одной из тех сковородок исполнится угроза, укрывшаяся до срока в его фамилии. Он чувствует, как холодные грехи клубятся в его животе и ниже его живота. Грехи отбирают тепло его тела, растят во чреве его Великую Мокрицу холода. Она раскидывает щупала свои от нутряной пустоты к шее, плечам и бедрам. Грехи чешутся, давят своей нечистой тяжестью и навлекают кару. Призывают белый немилостивый пламень, созданный Боженькой для выжигания всего несправедливого.

Его тянет взглянуть на небесную твердь: не напозла ли на вечный ее покой свежая яростная туча. Но сквозь слезы он ничего не видит. Только льется иконный свет. Из ниоткуда в никуда. Яркий, золотой, словно отраженный от густой хлебной нивы.

И корчится от ярости золотого света Великая Мокрица. Сиротливо движет жевалами, поджимает щупала, ежится и умалывается до пустого места. Вот-вот исчезнет, забирая с собою маленького грешника. Унося его от мира. От иконного золотого света.

«По воле высшей и неисповедимой бугало огненный навестил сего невострепетавшего и избавил его отягощенную многими прегрешениями натуру», – слышит он зычный голос казака Начитаного, и все сущее вокруг него вздрагивает и уходит в плаванье. Несется мутным вселенским потоком без русла и берегов. Голос казака пропадает, а из пятнистого марева выныривает иной голос. Женский, звонкий. Он поет-приказывает:

Бешиха-бешихище

Колючая, шипучая, жгучая, зудящая,
Нудящая, ветряная, водяная, кровавая, пожарная,
Глаженная, подуманная, помянутая, помысленная, насланная,
Разойдись, развейся и на этом слове аминь!

Сенянский монастырь, 29 сентября 1780 года

Он проснулся на «аминь». Низкий потолок остановил его взгляд. Копоть, потрескавшаяся извесь, дикие завитки паутины. Он не впервые ночевал в этой келье и успел заметить: переплетение трещин составило подобие рисунка. Там можно было увидеть и некий ушастый лик, и крест, и покосившуюся пирамиду, и еще нечто продолговатое, отдаленно походящее и на кривую лестницу, и на ящерицу. Худой паук неторопливо прошел вдоль трещин «лестницы-ящерицы», на миг задержался, трижды переставил восковые ноги, словно раскинул тузов и пажей в пасьянсе «Одинокие гранды», двинулся дальше. Туда, где темнело пятно копоти.

Темнело-чернело, будто оттиск лохматых врат хаоса.

«Снова этот сон о молнии. Он всегда предвещает путевой сдвиг судьбы... Господи, помилуй меня, грешного». – Резким движением он сбросил с лица соломинку, откинул овчину, осторожно спустил на пол ноги. Вчера там стояла вода в два пальца, теперь было сухо. Только подмок, отяжелел край сенника.

«Утихли хляби небесные, – догадался он. – Теперь отступит грызущая суставы сырость... Но вот сей сон о молнии и сгоревшем дядьке. Сон преследующий, многолетний. Воистину, переживая мир, не убежишь от ловчих века сего. Силы незримые, сидящие на престолах своих левее сердца, силы мстительные и шальные утомляют, истощают меня этим сном. Хотя помнится: Авксентий-старец говаривал, что оное знамение должно мне принимать как верный признак особенной Божьей ласки. Премудрым был. Наверное, был и прав. Топчет ли до сих пор старец пути смертного мира? Кто сие знает... Кем бы я был теперь, если б не сбежал из-под его руки? Схимником в черном клобуке с ясеневым посохом? Молчалиником с пергаментной плотью и пергаментной памятью?»

Он стал для моления на потертый коврик. Колени ощутили прохладную влагу.

«Призри, Отец, заблудших, негодных, тех, кто становился на все пути и со всех путей сходит на полдороге, кто прикладывался ко всем чашам и ни одной не допил...»

Он долго молился. Трудолюбивый паук за это время успел соткать треугольную паутину и устроиться в ее центре. Когда коврик под коленями совершенно высох, он почувствовал присутствие чужого. Оглянулся неспешно. В нынешние неверные времена за спиной мог оказаться кто угодно. И убийца с ножом, и ревнующий о напутствии.

– Простите, Григорий Саввич, что без дозволения ушибил ваше молитвенное стояние, – возопил плотного сложения гость, облаченный в платье, шитое по венгерской моде. – Жажду, истинно жажду припасть к чистейшему источнику любомудрия.

«Вот принесло еще одного народного златоуста. Не зря, значит, Начитанный приснился», – подумал Григорий, а вслух промолвил:

– Мир вам, добрый человеке. Сия келья весьма тесна и темна. Однако для истинного философа рукотворные стены не есть тем Паргадом, сиречь занавесом предвечным, способным отделить существ сотворенных от невечернего света Творца их.

– Воистину! – согласился гость. – Какие сладкие слова извлекаете из ковчега мудрости, какие словеса медовые! Смакую ими и ликую душевно, слыша вас, Григорий Саввич!

«Сейчас растает от умиления. У таких и ковчег – конфетница».

А вслух:

– Откуда будете, добрый человеке?

– Мое имя Остап из рода Бениковских, нежинских мещан звания купеческого, – определил себя гость. – Пришел к вам, драгоценнейший наш Григорий Саввич, не токмо от своей персоны, весьма незначительной, но и от совокупного всенежинского товарищества ваших почитателей. Они доверили мне передать вам сие.

Бениковский снял сработанный из парусины пояс, не без сложностей вывернул его тайный карман, и во мраке кельи блеснули башнями и портретами монеты пфальцской чеканки.

Григорий вопросительно глянул на Бениковского.

– Мы знаем, Григорий Саввич, – не уставал тот, – что вы являетесь истинным нестяжателем и со стоическим презрением смотрите на бранные металлы; умножением же оных озабочены слепцы века сего. Но известно нам и о том, что поручено вам недреманно и твердомысленно блюсти великое сокровище прадедов наших, что сим палладиумом во времена предуказанные будет выкуплена и спасена от проклятия земля наша. Исходя из того, покорнейше просим умножить утаенное сокровище скромным овощем торговых трудов наших. Послали меня к вам, Григорий Саввич, в сугубой тайне. И как раз сейчас, когда здешние монастырские власти и сопутствующая им суетная людность отбыли в Харьков¹. Прошу вас, не отказывайте и благословите, благой муже.

Бениковский неуклюже, как все толстяки, сполз на колени, натужно засопел и поставил столбик пфальцталеров на сенник возле Сковороды.

Тот молча глядел на смиренного нежинского мещанина. Размышлял о том, как мелеют и теряют глубину озера тайн. Как вытекает из них сквозь тысячи дыр человеческой болтовни тихая вода забвения. Вот уже и этот незванный лепечет о «палладиуме» и «спасении от проклятия». Будто пересказывает кумушкам ярмарочную сплетню.

Так суета проникает во все сокровенное.

Так изменчивость опошляет грозные тайны.

«*Бугало огненный...* Но как крикливо и нагло объяснение сна явилось. Не задержалось, не заблудилось, не отложило визитации. Молния бьет туда, где прячут грехи и клады. Молния не ошибается. Никогда».

¹ В конце сентября 1780 года в Харькове с большой помпой праздновали основание наместничества.

Часть I

Стадия Венеры. Башня

Киев, июль, наше время

Улица извивалась между складами и гаражами, разбегалась рукавами-переулками, пробиралась под балконами новостроек и советских «нахаловок», ныряла под мосты, но не исчезала, а бежала, лилась, вилась и спешила дальше. Ее пестрые здания с трехсотыми номерами казались позитивнее серых и желтых двухсотых. Чем дальше от центра, тем уютнее становились кварталы, выше липы и тополя, шире скамейки и чище окна. Упрямая улица в конце концов вывела Вигилярного за пределы промышленной застройки. Вывела туда, где еще сохранились полковничьи и профессорские особняки с мансардами и старыми яблонями. Утомленные деревья тяжело опирались ветвями на широкие доски заборов.

Покрытый десятками слоев зеленой «эмальки», крепкий дощатый забор окружал двор с двухэтажным особняком под триста 337 номером. От соседних заборов его отличал разве что яркий спрей-арт: обведенные черным контуром рисунки женских тел, раздутых, как цепелины, bubble-letters² и росчерки, чьих завитков Вигилярный не разобрал. Граффити казались совсем свежими. Красное кольцо, которым обвели кнопку звонка, жирно блестело. Вигилярный не удержался и провел пальцем по соблазнительному блеску. Палец остался чистым. Хозяин пальца хитро прищурился на обманное кольцо и решительно нажал кнопку.

За забором протяжно скрипнула дверь. Еще немного, и Вигилярный физически ощутил присутствие. Взгляд. Кто-то смотрел сквозь щели в калитке.

– Я к профессору Гречуку, – громко сказал гость. – Я ведь не ошибся, нет? Он здесь живет?

– А по какой он вам надобности? – ворчливый голос принадлежал немолодому и, возможно, не очень трезвому человеку.

– Я Вигилярный Павел Петрович, – гость сунул в почтовую щель прямоугольник визитки. – Если вы профессор Гречик, значит, это мы с вами разговаривали по мобильному. Четвертого дня, в понедельник. Вспоминаете? Кстати, там, на визитке, все мои атрибуты.

– Атрибуты, говорите? – Вигилярному показалось, что невидимый собеседник посмеивается. – Ну-ну, посмотрим на ваши атрибуты...

Проползли две или три минуты, и калитку открыли. За ней стоял отягощенный лишним весом и немалым количеством выпитого мужчина. Представительный («породистый» – определил Павел Петрович) киевлянин лет шестидесяти, славянской наружности. Пятнистые шорты и футболка с созвездием дыр ничуть не портили первого впечатления. Очки-хамелеоны съехали на кончик потного профессорского носа, открывая морщины, отеки вокруг переносицы и отстраненное выражение глаз.

«Значит, не обманули. Он со вторника не просыхает», – убедился Вигилярный.

– Это вам лаборантка адрес дала, да? – спросил Гречик, сфокусировав свой взгляд на госте. – Я, насколько мне помнится, приглашал вас на кафедру... Сюда, вот сюда, я вас точно не приглашал.

– Нет, профессор, это не лаборантка. У меня свои источники информации, – Вигилярный попытался изобразить улыбку. – Извините за назойливость, но я приехал издалека и ограничен

² Один из распространенных стилей современного спрей-арта.

во времени. На кафедру я заходил дважды, вас там не было, а ваш мобильный не отвечает. Вот я и решил...

– Лаборантка! – усмехнулся владелец пятнистых шортов. – Это она. Я знаю. В понедельник я уши ей откручу. Медленно. Отовсюду пакостят, просто-таки отовсюду. Видели, как малолетки забор мне обрисовали? Сальвадоры Дали хреновы.

– Я заметил. Настоящий вандализм... Позвольте войти, Геннадий Романович?

– Ну, входите, – смягчился Гречик. – Позволяю. Раз уж пришли, составите мне компанию. Вы, Павел Петрович, извиняюсь, какой вискарь пьете? Односолодовый или купажированный?

– Бурбон.

– Бурбон? – профессорский живот судорожно затрясся.

«Это он так смеется? – удивился Вигиларный. – Ну и кадр...»

– Никогда, молодой человек, никогда и никому не признавайтесь в подобной профанации, – профессор вознес в небесную синь указующий перст. – Бурбон не виски, а дешевое кукурузное пойло. Бурбон пьют *мужики* (в этом слове он сделал ударение на «у»). – *Мужик* (теперь он сделал ударение на «и») пьют ирландское. Самобытные мужи, а не мужики подзаборные! Это я, профессор Гречик, вам говорю. Не забывайте об этом. Не стоит об этом забывать.

– Как скажете. – Вигиларный втянул живот, не без труда протиснулся между самобытным мужем и краем калитки.

– Так и скажу. – Гречик указал пальцем в глубину двора. – Видите беседку под орехами? Там и ждите. Я подойду.

Не успел Вигиларный рассмотреть хозяйственные постройки усадьбы, как возвратился хозяин. На стол он поставил граненые стаканы, бутылку Tullamore Dew, кувшин со льдом, тарелку с хлопьями пармезана и пиалу с оливками. Пиала выглядела старинной и ценной. Красно-зеленые павлины, нарисованные на тонком фарфоре, гордо задирали коронованные головы.

– Вот теперь, Павел Петрович, мы имеем правильный фундамент для правильного разговора, – констатировал Гречик. – Основательный фундамент. Ведь кто бы там что ни говорил, а разговор двух уважаемых мужей должен двигаться к цели. И не просто двигаться, а двигаться уверенно и четко.

– Это из Софокла?

– Из Софокла? – удивился Гречик. – Возможно. Все возможно. Кстати, как там у вас в Одессе?

– Жарко. Как и здесь.

– Глобальное потепление, говорят. А на самом деле – климатическое безумие. Точнее, климатический аспект мирового безумия. Не находите?

– Что-то в этом роде, – согласился Вигиларный. Он стал опасаться, что дальше погоды их беседа не продвинется.

– Вы уж меня простите, Павел Петрович, – тем временем сменил тему хозяин особняка, – что я вас оторвал от работы, сюда вызвал. Я внимательно, как говорили когда-то «с карандашом», прочитал вашу статью о находке в масонском музее. Очень интересная статья, весьма неожиданная, да... – Гречик наполнил стаканы, бросил в золотистую жидкость цилиндрики льда. – Кто бы мог подумать! Масонские архивы в Европе уже открывают для непосвященных исследователей... – Профессор скорчил значительную гримасу. – Прогресс! Так давайте, Павел Петрович, выпьем за нашу с вами встречу. *Абисс было*, как говорили наши предки!

Они выпили. Вигиларный на три четверти осушил стакан, взболтал остаток и забросил в рот льдинки. Виски бархатно лег на горячие складки горла.

– Правильно, – одобрил его действия Гречик и вновь наполнил стаканы. – Мы пока еще *не выровняли* наши с вами энергетические балансы. Вам нужно догнать, подняться на мой энер-

гетический уровень. Тогда и разговор пойдет веселее... Так вот, относительно вашей статьи. Историки конечно же усомнятся в том, что в архивном упоминании речь идет именно о нашем славном Григории Саввиче, а не о другом человеке с фамилией или прозвищем «Сковорода». Скажем так, о неизвестном его современнике-однофамильце. И это с точки зрения историков будет профессиональным подходом к проблеме. На то они и историки. А вслед за ними на вас набросятся наши записные патриоты, стражи «священных коров» и прочие маразматика. Но лично я – подчеркиваю, лично я, как многолетний исследователь наследия Сковороды – не вижу ничего невозможного в том, что кто-либо из итальянских масонов мог общаться с Григорием Саввичем в тысяча семьсот пятьдесят первом или тысяча семьсот пятьдесят втором году, когда он пребывал за пределами Российской империи. Даже неспециалистам известно, что именно в это время в мировоззрении Сковороды произошли изменения. Да, изменения... Он стал глубоко изучать Библию, заинтересовался гностической символикой. То, что в сообщении масонского анонима речь идет об интересе некоего странствующего рутена Сковороды к мистическим символам, в принципе подтверждает выводы Чижевского. Выводы об эмблематичности философии Григория Саввича. Данный аспект вы вполне уместно очертили в заключительных выводах. Считайте, коллега, что в будущих битвах вокруг находки я буду на вашей стороне. Кстати, следующий тост – ваш. Только прошу покорно, не надо пить за нечто вроде «творческого союза литературы, истории и философии». Банальности оскорбляют мой разум.

– За вас, Геннадий Романович! – поднял стакан Вигилярный. – За известного корифея-сковородоведа! И за то, что вы на стороне истины.

– За жополизов! – Профессор залил себе в рот добрых полстакана виски, выдохнул и прищурился на гостя. – Мы же без вас вроде и не корифеи совсем. Так, старые пердуны...

– Ну-у... Зачем же вы так, Геннадий Романович...

– А вы, уважаемый, не начинайте с пошлых подходов.

– Извините.

– Не извиняю. Я же предупредил вас: без банальностей. Мы не на ученом совете. Да еще и словище какое использовал: «сковородовед»! Еле выговорил. Я вам что, специалист по кухонной посуде? И откуда вы всю эту муть берете?

– Но ведь... – умышленно смешался Вигилярный.

– Предупреждаю.

– О чем?

– Жизнь – вещь сложная и неоднозначная.

– Я учту.

– А почему это вы до дна не допиваете? Плохой вискарь?

– Хороший.

– Точно?

– Лучшего я не пил.

– Опять тупой комплимент.

– Да нет же, профессор. Я без глупостей говорю: бомбовый вискарь.

– Так нужно же до дна допивать, если он бомбовый. А не прикидываться шлангом.

– Я не прикидываюсь шлангом.

– Прикидываешься, – внезапно перешел на «ты» ученый муж. – Нет на тебя старшины Калганова, который меня в армии пить учил. Он бы тебе устроил классическую «кузькину мать» за злостное неуважение к застольному ритуалу. Старшина Калганов, помню, учил салабонов: мужчины не пригубливают, мужчины пьют. Иначе им очко солидолом мажут... Это дело не политкорректное, но зато правильное. Армия держится на ритуалах. Исключительно и только на ритуалах. Нет ритуалов – нет армии, – Гречик наполнил стаканы. – Предыдущее не считается! Повторить! Стоя! Чтобы нас с тобой любили красивые женщины!

– *Абысь було!* – Вигилярный привстал, подражая хозяину, отсалютовал стаканом и совершил решительный глоток. На этот раз количественно он опередил Гречика. Лед в его стакане закончился, и благородная влага ввинтилась в пищевод жгучей спиралью.

– В армии служил?

– Нет.

– Заметно. – Гречик укусил пластинку пармезана. – Нет, коллега, у тебя ритуального ощущения. Не успел, видишь, войти в приличный дом, а уже из тебя ужасные старания полезли. Начал меня, старика, комплиментами расслаблять, пургу нести. За кого, коллега, ты меня принимаешь, а? За кафедрального динозавра? За гребаного бордельного дедушку?

– Ради всего святого, профессор, не обижайтесь. – Вигилярный решил быть предельно деликатным с запойным ученым. – Я же не хотел вас обидеть, честно. Это знаете... несовпадение протоколов. Всего лишь несовпадение. Возможно, я еще не научился определенным стандартам. Только год как вернулся в академическую среду.

– Хорошо, что признаешь ошибки. И то хлеб. А чем занимался до возвращения?

– Деньги зарабатывал.

– Вот так, да? – профессор попытался поправить сползшие с носа очки, но уронил их. – Черт! Чего же вы падаете... А каким способом зарабатывал?

– Малый и средний бизнес. Там купил, здесь продал, маржу в карман положил. Криминала – ноль, экзотики – ноль, удовольствия – ноль.

– Ну, коллега, эта ситуация нам знакома. Еще как знакома, да... Ноль-ноль, говоришь... А ты еще и удовольствия захотел? И рыбку съесть и...! – специфический судорожный смех вновь овладел Гречиком. – Но ведь у нас, коллега, не лучше. Нет, не лучше. Занимаясь наукой, много не зарабатываешь. Скорее потеряешь. Ноль минус один.

– Тут вы правы, Геннадий Романович. На все двести правы.

– Ну и зачем ты сюда вернулся, а? В эту юдоль диссертантских слез, пошлых интриг и копеечных окладов?

– Призвание.

– Шутишь, да?

– Да нет вроде бы. Не шучу.

– Призвание! – подпрыгнули профессорские брови. – Нет, ты скажи старику правду: это шутка была такая?

– Все так запущено?

– Ты о чем?

– О тотальном цинизме.

– Ну ладно... – смягчился Гречик. – Что вопросом на вопрос отвечаешь, прощаю. Да, все у нас запущено. Наука умирает... А, кстати, откуда просочилась информация о находке? Если не секрет, понятно.

– Да нет, не секрет. От итальянцев. У нас в позапрошлом году проходила научная конференция, я там познакомился с одним венецианцем. Он, если верить интернет-справочникам, уже лет двадцать занимается историей европейского гностицизма.

– Как зовут итальянца?

– Франческо Бернарди.

– Не слышал, – профессор покачал головой. – Нет... Он масон?

– Мы с ним не говорили на эту тему.

– Зря.

– Это было бы некорректно.

– Говорят, что они в Европе этого не скрывают.

– Не знаю, – пожал плечами Вигилярный. – Я в этом сомневаюсь. Все же Италия – католическая страна...

- Да, точно, у них еще тот скандал был, с ложей, как ее...
- «П-2». Это в начале восьмидесятых было. Многих масонов тогда выгнали из армии, полиции, попросили с государственной службы.
- Ты прав, – согласился Гречик. – Католическая страна.
- После длительной паузы Гречик спросил:
- А до этого ты Сковородой интересовался?
- Интересовался. Я ведь для сборника материалов той конференции подготовил доклад “Итальянское эхо” в творчестве Григория Сковороды». Доклад перевели на английский и напечатали еще до конференции. Франческо прочитал его и вспомнил, что встречал фамилию Сковороды в архивах итальянских лож восемнадцатого века. Он сделал выписку. Заверил ее у масонского начальства во дворце Джустиниано³. Все чин по чину. А на конференции, где мы с ним встретились, подарил ее мне.
- Повезло тебе.
- Да.
- А почему заинтересовался Сковородой? Тема ведь не популярная.
- Я полагаю, что традиционные подходы к его личности уже не работают. Как мы привыкли: народный философ, ходил босой по деревьям, играл на дуде, проповедовал науку сердечную...
- Вот как, да... А ведь так и было: ходил босой и на флейте играл.
- Это был «поздний» Сковорода. Состоявшийся. Сковорода семидесятых годов. После сорока пяти он мог себе позволить немного поскоморошничать. А до этого он себя кроил по образцовым европейским лекалам. Все то, что Сковорода с кровью из себя выдавливал, наши народники культивируют. Деревня.
- Каждый ищет близкое ему и понятное. Да, наши академические затейники в основном люди аграрной цивилизации. Даже здесь, в Киеве, «усатые» в большинстве.
- Вот и я говорю: взгляды этих людей уже не захватывают воображения новых поколений.
- Это не «взгляды», коллега, это так называемые «операбельные гуманитарные мифы». Когда-то они, как ты говоришь, «захватывали». А сейчас не очень. Сейчас многое из старого доброго мифического запаса не захватывает. Так что, собрать все и на помойку выбросить? Да?
- Если бы ваш «старый добрый запас» сидел себе на задней скамье и не рвался на должность единственно правильного учения... Но ведь взгляды этого вашего «запаса» до сих пор доминируют во всех сферах – в академической среде, в школе.
- Ну и пусть себе доминируют. Они для этого и были созданы. Академическая среда консервативна. Школьная – тем более. Особенно в гуманитарной сфере. Так было всегда, так всегда будет. Ты же не отберешь сказку у детей только из-за того, что существование мальчика-с-пальчик противоречит законам антропологии?
- Я не об этом.
- А о чем тогда?
- Мир изменился.
- Неужели? – искренне рассмеялся Гречик. – С каких это пор?
- Давние представления стают не просто устаревшими, они стают вредными. Они вредят, превращают нашу науку в этнокультурную оперетку. Я не хочу послушно деградировать вместе с тем синильным мирком, который вы так деликатно обозначили «аграрной цивилизацией». Не хочу быть стражем тотального вырождения. Я хочу, чтобы потенциал прошлого органически и продуктивно входил в современную жизнь. Чтобы он работал на жизнь. Чтобы он жил этой жизнью.

³ Дворец Джустиниано в Риме является официальной резиденцией Великой ложи «Великого Востока Италии».

– А, понимаю, ну конечно... Хочешь перекодировать старые мифы на новый лад. Не оригинально. Таких, как ты, – легион.

– Хочу для начала понять. Подобраться с другой стороны.

– Глупости это все, молодой человек. Все вы так говорите, – махнул рукой Гречик. – Каждый вот так приходит, вдохновенно возводит руки и прорекает: «Истину тщусь яти!» А заканчивается все очередной заменой слов. Одни хитрые словеса меняют на другие хитрые словеса. Народнические мифы в свое время сменили мифами марксистскими. Теперь вот пришли вы. Или, может, вас прислали? Нет? Сами пришли? Ну и хорошо. Не важно. Важно то, что после вас, постмодерных истиннолюбцев, уже никто ничего не поймет. Аминь.

– Даже так?

– Ага. Именно так.

– А вам не кажется, профессор, что вы слишком категоричны?

– Кто? Я? – переспросил Гречик, покрутил в руках очки, хмыкнул. – В чем это, собственно, я категоричен? А? Категоричность! Где ж ты ее увидел? Ну уж нет, коллега, если бы я на самом деле был категоричным, как ты говоришь, то в университете мною уже давно бы не пахло. Даже воспоминаний не осталось бы. Это здесь я такой герой. Перед тобой, возвращенцем с масонской бумажкой. А там, – он махнул рукой в направлении забора, – там я рассказываю студентам о «ризоме» и «гипертекстуальности»⁴. Тьфу, прости господи! А то зачислят, не дай боже, во враги прогресса и демократии. Это же почти что «враг народа» в тридцать седьмом. Доказывай потом, что ты не верблюд. Я, коллега, не революционер. К сожалению, а может, к счастью. И не стремлюсь к тому, чтобы на руинах современного мира написали мое имя как имя его разрушителя. Совсем к этому не стремлюсь. Этот мир мне нравится. Как ни странно, нравится. Не потому, что он, этот мир, идеален. Нет, скорее по той причине, что мне в нем удобно. Если в этом мире действуют какие-то правила, то я с ними обычно соглашаюсь. Почти всегда соглашаюсь. Хотя и понимаю, что правила эти гребаные не для меня создавались. Что поделаться, такой вот я проклятый приспособленец... Давай, коллега, выпьем за толерантность. Пусть живет, зараза, пусть процветает!

Стаканы вновь опустели. Гречик немедленно их наполнил.

– Ну ладно, – сказал он, «на глаз» выравнивая количество виски в стаканах, – я понял. На общественно полезные мифы у тебя аллергия. И куда же ты сам хочешь свернуть?

– У меня, Геннадий Романович, нет уверенности. Только интуиция.

– Так куда же?

– Во тьму.

– Куда-куда? – В покрасневших глазах Гречика затанцевали то ли чертики, то ли вечерние блики.

– Как мне кажется, Сковорода имел непосредственное отношение к тайному оккультному учению.

– И в самом деле, самая темная тьма из всех возможных, – профессор поднес стакан к подбородку. – *Nox fert consilium!*⁵

– Я, профессор, не откажусь и от советов ночи, – Вигиллярный, подражая хозяину, опрокинул в себя все содержимое стакана. Льдинки хрустнули на зубах.

– Рискуешь, – прикрыл глаза Гречик. На его лицо набежала тень.

– И чем же я рискую?

– Всем.

– Объясните.

⁴ «Ризома», «гипертекстуальность» – краеугольные понятия теории постмодернизма.

⁵ Ночь даст совет! (Лат.)

– Не любят люди этой твоей тьмы. А еще больше они не любят усложнять. Ночь ведь не советует массам. Ночь советует только избранным.

– А может, люди просто боятся истины?

– Ну, коллега, это же всем известный и, по большому счету, уже неинтересный факт. – Профессор исправно наполнил стаканы. – Ежу понятно, что истина – весьма неудобная девочка. Как утверждали премудрые дидаскалы⁶ во времена Григория Саввича: истина еси суть, стражденно высуполнена. А народным массам нужны простые и понятные лозунги. Позитивные и светлые, как герои телевизионных сериалов. Люди, они такие... Если заметят в тебе тьму, то за три секунды разорвут тебя на куски. На мелкие такие кусочки. Ради своего же собственного покоя и разорвут. Законы стаи они и в Африке – законы стаи.

– Но ведь можно попробовать их обойти.

– Попробовать всегда можно, – Гречик зачем-то надел, потом снял очки, положил их на стол и начал пальцами массировать подглазные отеки. – Только обходить придется самой дальней тропой и в бронежилете, ага... Научные степени и должности тебя, как я понял, не интересуют?

– Интересуют, почему бы и нет. А у вас, профессор, есть предложения?

– Не было б у меня предложений, я бы тебя в Киев не звал. Есть к тебе одно интересное предложение. Я бы даже так сказал: качественное предложение. Но об этом, уважаемый коллега, долгий разговор выйдет... То есть не выйдет, а получится. Тьфу! Господи, уже и заговариваться стал.

– Мы ведь никуда не торопимся?

– Мы никуда не торопимся, ты прав. Мы даже не спешим. Однако, Павел Петрович, дорогой мой, для важного и долгого разговора мы с тобой уже слишком... уставшие.

– Как скажете, Геннадий Романович.

– Так и скажу. Есть такие процессы, коллега, в которых стоит участвовать исключительно на трезвую голову.

Гречик тяжело вздохнул и снова нацепил очки. Они немедленно съехали на кончик носа.

– Сковорода, – сказал он, – был исповедником древней традиции. Исповедником осознующим и посвященным. И для специалистов этот факт не тайна. А для широкой нашей общечеловечности пусть он остается блаженным дударем и народным философом... Может, и надо так. Чтобы не вводить в искушение малых мира сего.

– Чем?

– Тьмой, с которой ты советоваться собрался.

– Он был масоном? – взял быка за рога Вигилирный, которому надоели скользкие метафоры и недомолвки.

– Не угадал, – улыбнулся Гречик. – Он был их отцом.

– Чьим отцом?

– Отцом масонов, коллега. Истинным духовным отцом украинских «детей вдовы»⁷. Как ты там говорил: «большой потенциал прошлого»?

Пригород Львова, 11–12 марта 1751 года

Среди трактиров-гербергов, чьи грибоподобные крыши торчали на Краковском шляху, заезжий двор «Под кляштором» считался едва ли не самым чистым и дорогим. В пансион здесь

⁶ Дидаскалы, даскалы – наставники, учителя.

⁷ Масоны называют «вдовой» свою организацию, которая считается «осиротевшей» после гибели легендарного Мастера Храма, строителя Соломонова храма.

входили услуги небольшого отряда стражников, при необходимости проверявших глейты⁸, отгонявших злодеев и умиривших слишком шумных постояльцев. Поэтому в здешнем пивном зале не гремели пьяные песни, не буянили записные драчуны, а гости не боялись выводить на трапезу жен и детей.

В тот вечер в пивном зале собрались три компании. За главным столом наслаждалась жареной бараниной, грецкими орехами и пивом большая купеческая семья. В темном углу перетирала свои гешефты стайка еврейских бачмажников⁹, а у окна вели ученую беседу два молодых человека неопределенных чинов и призваний.

– Значит вы, Григорий, все еще надеетесь поучаствовать в экзорцизме? – спросил собеседника молодой.

– Да.

– Здесь, во Львове?

– Мне не удалось изучить этот ритуал в Пресбурге¹⁰, – заметил темноволосый. – Местный епископ огласил городскому экзорцисту официальное недоверие и запретил ему заботиться о бесноватых.

– Епископ совершенно прав. Современные образованные люди не верят, что сатана не просто принцип зла, но и персоною обладает. Извлекать же из человеческого тела некое абстрактное понятие как-то неприлично. Вы не находите?

– Нет, кавалер, не нахожу, – Григорий подправил подушку, подставленную под поясницу. – Тем более, что в двадцать первом правиле «Ритуала изгнания дьявола» в редакции тысяча шестьсот четырнадцатого года четко и недвусмысленно указано, что убежденность в присутствии демона не является обязательным условием для одного ритуала.

– Таким образом, вас интересует само действие? Спектаклюс?

– Можно и так считать.

– Сами не пробовали писать пьесы?

– Возможно, когда-нибудь попробую, – улыбнулся Григорий. – Кстати, вы, Зормоз, вчера обещали рассказать о знаменитом пожаре в Санкт-Петербургской академии. Такой максимальный спектаклюс, как по мне, интереснее изгнания беса. Настоящее приключение века сего.

– Да уж, приключение случилось изрядное. Тут не поспоришь. Хотя до прошлогоднего московского пожара ему, как говорят, далеко. В Академии сгорело множество анатомических атласов и книг описательного свойства. Огонь также пожрал галерею с диковинами сибирскими и китайскими, готторпский Большой глобус, оптическую комнату и канцелярию с бумагами старой крысы Шумахера. Я своими глазами видел, как превратился в пепел славный глобус. Это, брат Григорий, скажу я вам, была знатная иллюминация. В Большом глобусе, как оказалось, славный профессор Крузиус прятал бутылки с медовухами и выморозками. Он спрятал там не меньше пятидесяти здоровенных бутылей. И не простых, а из толстого зеленого стекла. Знаете, наверное, – в таком стекле химики крепкие яды и кислоты держат. Как те бутылки взрывались! Это надо было видеть! Слово чести, друг мой: даже турецкие бомбы над Каменецкими куртинами не разрывались с таким сатанинским грохотом. Даже в Риме, во время свадьбы племянника кардинала Урбино, папским фойермейстерам не удалось произвести подобных оглушающих взрывов. Приходилось ли вам наблюдать настоящую *большую иллюминацию*?

– Приходилось. Семь лет тому, когда московская императрица паломничала в Киеве. Тогдашней иллюминацией, насколько помнится, руководил фойермейстер Йоган из Дрездена. Славный был мастер. Ему тогда удались и вихри огненные, и звездные купола.

⁸ Глейт – пропуск, дорожная грамота.

⁹ Бачмажник – тот, кто носит ботинки.

¹⁰ Пресбург – теперь Братислава.

– Над пылающей Академией звездных куполов я не заметил, но огненный вихрь вознесся над самым шпилем Петропавловского собора. Такой могучий был вихрь, что горящие куски крыши, словно адские чайки, долетали до Сиверсовой верфи. Там всю ночь поливали ребра недостроенных шнав¹¹. Сгорела также Кунсткамера. Мы с Ломоносовым тилились ее спасти. Михайло чуть не сгорел, вытаскивая колбы со всевозможными уродами. Много народу нам помогало. Но природа огня оказалась сильнее. Почти все сгорело. Верите ли, я своими руками вытащил из огня чучело двухголового чудища. Говорят, что предивное сие чучело царь Петр обменял на стофунтовую малахитовую глыбу. У чудища из обеих пастей уже дым валил, когда я с ним выбежал на першпективу и окропил водой. Пресмешное и символическое было зрелище, зеваки даже священника позвали. Просили батюшку молитвой оградить столицу от огнедышащего Сатанаила. По этому случаю я и в «Ведомости» попал. Поймал, как говорят пииты, золотую улыбку славы. Только вот фамилию мою в «Ведомостях» переврали. Нарекли они меня в новостной циркуляции «странствующим мальтийским кавалером Загромозой». Как вам на вкус? За-гро-мо-за! Полагаю, что не вполне куртуазно, друг мой, входить в анналы человечества под таким пушечно-варварским именем¹².

– *Не пора ли, друг мой, нам наполнить кружки?* – Григорий помахал пустой посудинной¹³. – Тем более, что местные изманатчики наконец-то научились варить пиво не хуже пресбургского.

– А я бы не рискнул сравнивать, – не согласился кавалер. – До пресбургского ему, как крышам до неба. Но пить можно.

Когда кружки вновь опустели, кавалер приблизил свое лицо к лицу Григория и тихо произнес:

– Я слышал, что Мастер Пафлагонец предложил вам полноценное членство в братстве. Целиком поддерживаю таковую его конклюдацию¹⁴ и хочу, чтобы вы об этой поддержке знали.

– Благодарен за доверие, кавалер, но еще не чувствую должной зрелости для такого авантажного шага. Человек, подобно знаменитому колькотару¹⁵ алхимиков, должен пройти все должные стадии, чтобы в должное время стать истинным золотом. Нельзя, друг мой, перепрыгивать через стадии.

– Очень метафорично, – тонко улыбнулся кавалер. – Вроде отказ, а вроде и не отказ. Но, согласитесь, кто-то же должен нести свет в степи Тартарии.

– Тяжкое сие ярмо.

– Но ведь и плечи крепки.

– Люди зря полагают, будто бы для основания чего-то полезного нужно взваливать на себя вселенскую тяжесть или пройти сквозь ужасы испытательного вертепа¹⁶. Согласитесь, кавалер, такая философия скорее подходит ослам и прочему тягловому скоту. Для основания чего-то существенного мускулистые плечи не обязательны. Основывать нужно, подчиняя свою волю, сокрушая сердце, смиряясь, пребывая в священном молчании, а не с помощью героических и кровопролитных упражнений. Так нас учат святые афонские старцы... Но, как бы там ни было, я весьма благодарен вам и конечно же Пафлагонцу. – Григорий положил на стол монетку. – Должен покинуть вас. Меня ждут дела.

– Уже поздняя ночь, друг мой. Я бы не советовал вам странствовать в такое время.

¹¹ *Шнава* (шнява) – небольшое парусное торговое или военное двухмачтовое судно.

¹² Упоминание об этом событии и об участии в нем мальтийского кавалера Загромозы содержится в материалах к биографии М. В. Ломоносова, собранных П. С. Билярским.

¹³ Сковорода цитирует популярную в середине XVIII века застольную песню немецких студентов.

¹⁴ От латинского «conclusio» – окончательное решение, решительное заключение.

¹⁵ *Колькотар* – триокись железа, служил полуфабрикатом для производства алхимического золота.

¹⁶ *Вертеп* – тут в значении «пещера».

– Даже презреннейшие тати побрезгуют барваками¹⁷ бедного школяра, – улыбнувшись, шепнул Григорий, поклонился кавалеру и покинул пивной зал.

Зормоз посмотрел вслед высокому юноше. В его взгляде внимательный наблюдатель заметил бы сумеречную смесь грусти, тревоги и скепсиса. Странствующий кавалер не хуже других знал, что от ночных татей не спасает ни дырявый карман, ни залатанная рубаха. Наоборот, голодная разбойничья злоба легко превращается в лезвие, гуляющее между ребер одинокого путника.

«Хотя кто знает, может, он и прав, – подытожил Зормоз. – Таких, как он, параклитов¹⁸ охраняют высшие силы. И было бы странно, если бы устроилось по-другому. Это же не логично: послать в этот страшный мир мечтателя и оставить его без защиты. А ведь Великого Архитектора во все эпохи полагали источником абсолютной логики».

У порога герберга Григорий на миг задержался. Прохладный воздух быстро прочистил его мозг от пивной горечи. Сознание вновь обрело привычную ясность, а звезды над головой выстроились в указующую систему.

«Звезды – это здорово, – мысли Григория от высших материй незаметно возвратились к привычным страхам. – Если на небе вызвездило, значит, оно безоблачно. Соответственно, не имеет силы для производства карающего огня».

Он побрел по направлению к Львову. Охранники трактира провели его удивленными взглядами. Гостинец опустел, а в отдалении выли волки. Редкие огни пригородных поселений остались далеко позади, а темная громада львовских укреплений еще не показалась из-за деревьев охотничьего парка. Тишина и путь под благими звездами располагали к важным медленным мыслям. Григорий еще раз взвесил предложение влиятельного человека, известного в кругах европейских либертинов¹⁹ и вольных каменщиков под конспиративным именем Мастера Пафлагонца. Именно он предложил школяру причаститься Истинного Света и соединить свою судьбу с тайным обществом.

Григорий догадывался, что лежало в основе приглашения в секретную жизнь.

Пробил час европейского Востока. Под скипетром северных царей дикая и подвижная жизнь украинской степи начала обретать твердые формы. Лидеры и стратеги тайных братств осознали: на бескрайних пространствах, обозначенных на европейских картах как «Рутения» и «Тартария», возникает берег нового мира. Колонизация степей выходит к Причерноморью. Страна казаков и кочевников медленно, но уверенно обретает контуры цветущей имперской провинции. В ближайшее время она станет или передовым бастионом абсолютизма, или тем краем, откуда полетят серебряные птицы новой Доброй Вести.

Его, Григория, задумали посвятить в хранители тайного теплого озера, где до поры назначено зимовать серебряным птицам. Ему предложили жреческую роль в стратегии, тщательно спланированной на столетия вперед. Стратегия предполагала неминуемый крах империй и создания на их землях федерации молодых славянских держав под присмотром и покровительством старых республик. Пафлагонец показал ему тайную карту, где магистры ордена начертали границы будущих суверенных стран. Одну из них, с центром в Древнем Киеве, предложили назвать Ruthenia. В этом имени Григорий ощутил присутствие мистической Розы, ее истинный красный цвет, ее животворящий пламень. Цвет и пламень предпоследней стадии созревания философского камня.

¹⁷ Барваки – штаны.

¹⁸ Параклит – утешитель (греч.).

¹⁹ Либертины – условное обозначение тех, кто выступал за идеалы свободы, против господства клерикалов.

Секретная масонская карта уже несколько месяцев преследовала его воображение. Сначала он бредил видениями будущей степной республики. Он видел тысячеглавое вече, избирающее Княжескую раду, золотой блеск киевских куполов, патриарха у райских врат Святой Софии, мистическую Деву-Навну в сапфирово-синем небе. Навну хранящую и благословляющую.

Но вскоре в этих видениях возник и укрепился многозначительный цвет алхимической розы. Золотое сияние налилось кровавыми оттенками, а шум битвы заглушил литургическое пение. Он вспомнил, что стадия Красного Льва имеет двойственную природу. В ней присутствует древнее женское начало – мистический дух земли, ацетата свинца, известного алхимикам как *Lac Virginis* – Молоко Девы. Это было священное, животворное и неутомимое Молоко.

Однако Молоко благой Навны пролилось не на жаждущие грунты, а в жертвенную чашу богини степей Карны, безжалостной властительницы амазонок. Богини крови и мстительных земляных Сил. В снах он видел ее темное обнаженное тело, скорее мужское, чем женское. Тело, созданное не для продолжения рода, а для бесконечной битвы жестоких богов. От него шли волны неутомимой власти. Оно могло быть всем, оно перетекало из огня в воду, а из воды – в камень. Оно становилось огромным змеем, а потом из ползучей формы над притихшими степями вырастал и возносил свой меч Кром – бог воинов, тени которых все еще блуждали между курганами и каменными бабами. Григорий испугался этой победоносной языческой телесности, и тяжелая тень подозрения пала на его мечты. Он молился святым угодникам Печерским, и кровавые видения оставили его сновидения. Зато подозрение свило крепкое гнездо в его сердце. А еще он не смог забыть телесную форму Карны-Крома, удивительную плоть, соединяющую силу мужских мышц с искусительной женской прелестью.

Эта плоть тревожила его сны неопадаящей мужской мощью, слившейся с бархатной роскошью нежной девы. Эта плоть была готова к битвам и к любви. Одинаково готова принимать в себя страстных паломников Карны и раздвигать могучим орудием Крома сокровенные входы. Сновидец желал этой плоти и боялся ее сокрушающей силы. Он не знал, сможет ли выстоять в любовной битве с двойной природой воинственного божества. Подозревал, что не сможет, но от этого страсть его только росла.

Собственное тело казалось ему мягким и слабым. Он догадывался, что такому мягкому и слабому телу не предназначено стать хранителем серебряных птиц. А еще он опасался Великой Мокрицы, которая посеяла в его теле свой холод. Он боялся, что холод Мокрицы не даст ему власти над мужской силой и он станет содомитом, юношей для удовольствий, вечной игрушкой Крома и посмешищем для Карны.

Но знал он и другое. Если ему все-таки придется отдать себя небесной Софии-Навне, плотская страсть превратится в бич и в проклятие. И будет гнать, гнать и гнать его длинными дорогами мира. Загонять в ловушку, где уже притаился охотник – белый небесный огонь.

Перед тем как принять или не принять предложения Пафлагонца, он должен был разгадать эту великую загадку. Тайну отношений и высшего назначения двух могущественных и враждебных друг другу порождений первичной природы. Двух начал природы – Софии-Навны и Крома-Карны. Уранической девы и ее антипода – двуполого порождения Хаоса. Тысячелетнюю загадку алхимических элементов, рождающих в своем мистическом слиянии совершенного Андрогина.

В самое темное время суток он достиг цели своего ночного странствия – укрепленного здания на восточной окраине Львова. Приземистый дом, возведенный из крепкого тесаного камня, расположился за городскими воротами. Его хозяином был один из тайных резидентов канцлера Бестужева – негодичант и городской патриций Протазий Духнич, известный в шпионских и контрабандистских кругах Галиции как Папаша Прот.

Во Львове середины XVIII века расцвели всевозможные авантюристы и политические пробаторы²⁰. Умирающая Речь Посполитая превратилась в огромный рассадник интриг, заговоров и предательств. Шляхетские партии продавались всем, кто давал деньги, пропивал их и продавал снова. Буйные сеймы и сеймики жаждали золота. Много золота. Коррупция стала привычным способом существования. Большинство здешних резидентов, не отставая от моды, работали на двух или трех господ и не особенно скрывали источники своих доходов. Во времена, когда людей с соответствующими способностями, умениями и связями по всей Европе было несколько сотен, такая ситуация считалась вполне допустимой.

Первыми Папашу Прота завербовали французы. В смутное правление короля Августа²¹ дальновидные министры Людовика XV решили открыть в Польше «второй фронт» против своего главного врага – Австрии. В Польшу сначала ручейками, а потом и реками потекло французское золото. Оно оседало в карманах гетманов и каштелянов, в сундуках епископов и магистратов. Золото, приправленное патриотизмом и радужными надеждами, сделало свое дело. Большая часть шляхты встала под знамена французского ставленника Лещинского, коронованного патриотической партией на сейме под Варшавой.

Однако на защиту австрийского кандидата на польский трон саксонского князя Фридриха Августа неожиданно поднялась Россия. Французская разведка уверенно докладывала, что Российская империя – финансовый банкрот и унылая деспотия во главе с бездарной племянницей Петра Великого – никак не способна помешать Лещинскому и его партизанам. Поэтому могущественный флот Людовика не торопился вмешиваться в восточные дела. И, соответственно, не успел вовремя высадить десант в Померании.

Когда же, после долгих колебаний официального Версаля, французские линкоры в апреле 1734 года таки подошли к устью Вислы, Данциг – главный оплот польских партизан – уже находился в осаде. Русские дивизии фельдмаршала Миниха надежно блокировали там Лещинского, кардинала-примаса Потоцкого и все шляхетское ополчение. Линкоры вернулись в Гавр и Марсель. Вскоре русско-австрийский ставленник стал королем Речи Посполитой.

Потерпев поражение, французское правительство начало восстанавливать утерянные позиции с перестройки своей резидентуры. Именно тогда министр Шетарди обратил внимание на некоего львовского негоцианта, способного предвидеть не только колебания цен на товары, но и такие изменчивые, внезапные вещи, как ход военных операций, вспышки эпидемий, финансовые настроения и процент залога для правительств в банковской конторе братьев Штерн. Вещего негоцианта звали Протазием, и в этом имени, созвучном с именем многоликого Протея, Шетарди увидел добрый знак для интересов французской монархии. С этого времени Папаша Прот ежемесячно отправлял в Париж свои прогнозы, касающиеся ветреной политики польских магнатов, перемещений российских войск и балканских планов правительства Высокой Порты.

Но в Санкт-Петербурге тоже не спали. Талантливый шпион попал в поле зрения Бестужева в 1744 году, когда Папаша перехватил и несколько раз перепродал разным темным лицам секретное письмо шведского министра и масона графа Нольдена, адресованное российскому генералу и тоже масону Кейту. Русскому резиденту в Кракове Голембйовскому удалось выяснить, кто именно провернул эту прибыльную операцию. Духничу от имени канцлера Алексея Петровича предложили не слишком широкий выбор: стать русским агентом с хорошим окладом в червонцах или же немедленно умереть во имя христианнейшего короля Франции. Львовский патриций, как и предполагал Бестужев, выбрал первое. С тех пор все нити русской разведывательной паутины, широко раскинутой на огромных пространствах между

²⁰ *Пробатор* – выражающий одобрение, одобряющий.

²¹ *Август II* – король Польши и Литвы (1734–1763) из династии Веттинов, курфюрст Саксонии (как Фридрих Август II). *Людовик XV* – король Франции (1715–1774).

Веной, Хаджибеем и Уманью, тянулись к гостеприимному и щедрому дому Папаши Прота. Тут получали и меняли деньги, делали-переделывали паспорта и подорожные, писали криптографические письма и прятали подозрительных путешественников.

Ценные подарки поощряли львовских вельмож закрывать глаза на бурную деятельность Папаши. Тем более, что в городе никому не удавалось (что было странно) определить, на разведки каких держав трудится сей неутомимый паук, счастливый муж красавицы Доминики и отец шестерых толстых краснолицых детей.

Молодая служанка, открывшая дверь Григорию, знала пароль. Она выслушала условленную фразу, вежливо улыбнулась симпатичному оборванцу ипустила Григория в освещенную сальными свечами прихожую, где дежурили два головореза с концентрированными лицами. Головорезы ловко обыскали школяра и, не найдя оружия, молча подтолкнули к дверям зимней кухни. Ритуал принятия в доме Прота полезных гостей включал в себя сытный ужин. Григорий послушно прошел на кухню, где другая служанка налила ему миску густой юшки, щедрой рукой отрезала кусок буженины и наполнила до краев пивную кружку. Пиво оказалось намного гуще и вкуснее выпитого в трактире «Под кляштором».

– Поспи немного, – женщина указала на постель, разложенную под каменной аркой. – Пана Протазия сейчас нет, будет завтра после обеда.

– Я только письмо передам и возьму суккурс²².

– Пока пан Протазий не скажет тебе своего слова, ничего не дадут. Да и не выпустят отсюда.

– Почему?

– Так принято.

– Это неправильно.

– Что «неправильно»?

– Что не выпускают.

– Помолчи лучше, здоровее будешь, – посоветовала служанка, зная, что не все гости Папаши покидают его крепость в целом виде.

Григорий дочиста опустошил тарелки, выпил пиво, осмотрел кухню: печи, кастрюли, рогачи, сковородки. Все это под задымленным сводом из дикого камня. Двери были толстыми, окованными железными полосами. На узких непрозрачных окнах укреплены массивные решетки. Настоящая крепость. Он решил, что спорить с местными – себе дороже. Еще в Пресбурге, когда решил подзаработать перевозкой тайной корреспонденции, Григория мучили недобрые предчувствия. Теперь они усилились.

«Коль уж позарился на легкий хлеб, то не гневи теперь пана Бога жалобами», – мысленно определил он, вытягиваясь в полный рост на застиранной тряпке.

– Тебя как окрестили? – спросила служанка.

– Во имя святителя Григория.

– Если есть деньги, Грыць, то можешь порадовать наших цорок²³. Они у нас красивые, молодых немалженых любят.

– За сколько любят?

– Там договоришься. Вон те двери.

– Женщина прелюбодейная есть скудельный сосуд дьявольский, – громко провозгласил Григорий, перекрестился, задернул льняную занавеску, отделяющую спальную нишу от остальной кухни, и закрыл глаза.

²² Суккурс – помощь.

²³ Цорки – девушки.

– Нужник²⁴, а кем-то показаться хочет, – услышал он ворчание служанки. – Тьфу!

Григорий не обиделся на глупую бабу. Меньше всего его заботило, что думают о нем холопки Духнича. И что они думают вообще. Он ни на мгновение не сомневался, что вся совокупная мудрость обитателей дома-крепости не способна прояснить ничего существенного из предвечного спора Софии-Навны с загадочным многоликим телом, умеющим быть и Кромом, и Карной, и всем темным отродьем Хаоса.

Киев, июль, наше время

– Будет тебе предложение, будет! Возвращенец ты наш! – Гречик грозил собеседнику указательным пальцем. – Но ты, Паша, должен держать язычок на привязи. На вот таком поводке, – на сантиметр раздвигал пальцы профессор и подмигивал Вигилирному.

Тот лишь утвердительно шевелил бровями. Жара и крепкий алкоголь совершили свое упрощающее дело, и разговор ученых в конце концов превратился в нескончаемый монолог профессора, чей организм мог, казалось, бесконечно сопротивляться магии зерновых спиртов.

– Я еще во времена оно предвидел такого, как ты, фрукта, – Гречик вел свою застольную лекцию от тезиса к тезису, как пират пробитую шхуну. – Если тебя не опередят...

– Кто?

– Кто, спрашиваешь? – будто бы сошлись створки невидимых ворот и скрыли профессорские эмоции. – Дед Пихто и конь в пальто. Знаешь таких ребят? Не знаешь, ага... Думаешь, ты самый умный? Ты роешь, роешь, копаешь, как экскаватор. Но другие тоже роют... Как ты там назвал свой доклад? «Итальянский отзвук в творчестве Сковороды»?

– Эх-хо.

– Какое еще «хохо»?

– Не «отзвук», а «эхо».

– Понял. Эхо. Да. Кстати, у меня в библиотеке имеется книжка «Civiltà letteraria ucraina». Если не ошибаюсь, там что-то есть об этом. О Византии, об Италии, о Сковороде... Читал?

– Читал.

– А монографию Ушкалова об итальянских образах в литературе украинского барокко?

– Тоже читал... Но в-вы говорили о тех, которые тоже р-роют. Кто роет? Что он-ни р-роют?

– Кто... Что... Ты что, Паша, все хочешь знать? Вот КГБ тоже хотело все знать, и где оно теперь? Скажи!

– Т-там.

– Именно, Паша, там. В жопе. Знания умножают печаль.

–..?

– Когда-то и ты все узнаешь, наступит время, – заверил Гречик, закашлялся и потянулся к бутылке (уже четвертой, если считать от прихода Вигилирного). – Кха! Обо всем узнаешь. Кха! А ч-черт, что-то в горло попало... Может, и опечалишься, когда узнаешь. А что касается тех, кто роет... Человек, Паша, всегда после себя оставляет такое, что при желании можно вырыть, найти, достать. Да! Всегда! – Гречик плеснул из бутылки виски. Одна четверть его попала в стакан, три четверти растеклось по столу. – Вот ведь зараза! – расстроился профессор. – Рука оскорбляет мой разум своим дрожанием...

– Так что именно р-роют?

– Что надо, то и роют. – Отворки невидимых ворот держались крепко. – Ты знай свое. То, что тебе знать надо.

– Но вы же н-на что-то намекаете... намекаете.

²⁴ *Нужник* – нищий.

– Вот-вот: меме, меме...

– Не дразнитесь, п-профессор. Вы намекаете, я же п-понял.

– А если да?

– Хоч-чу п-понять.

– А не понимаешь? – профессор развел руками. – Не понимаешь, нет?

– Н-нет.

– Я тебе, дорогой, говорю о внутренних вещах. Есть вещи внешние, а есть внутренние. Открытые и закрытые. Глубинные и поверхностные. Для всех и для избранных. Не будешь ведь спорить?

– Нет. – Вигилирному показалось, что нить разговора становится тонкой и змеевидной. Еще немного, и она оборвется или ускользнет сквозь щели в досках стола, вслед за пролитым виски.

– Есть вещи, которые познаются только путем испытаний и проб.

– Д-да.

– Что «да»?

– Глубинные и поверхностные. П-признаю.

– А куда же ты денешься, дорогой... Вот к примеру, всем известная история о Моцарте и Сальери. Это всем известно, согласен со мной? Поверхностный сюжет о двух композиторах стал дешевым достоянием широких масс. Поверхностный, профанический сюжет пересказан тысячу раз. В романах, пьесах, фильмах. В чем его суть? Она проста. Бездарь завидует гению. Завидует, завидует, завидует и в конце концов убивает гения. Подсыпает гению яд в вино. Да?

– Д-да.

– А глубинный, истинный сюжет совсем другой. Принципиально другой. Моцарт не просто гений. Он гений-масон. Пока был жив император Иосиф Второй, известный покровитель масонов, Моцарт находился под его личной защитой. Но вот Иосиф умирает. Детей у него нет. На трон после смерти императора садится его брат Леопольд Второй. Тиран и фанатичный католик. Еще со времен своего наместничества в Тоскане он упрямо и безжалостно преследовал масонов. Вена, само собой, не Флоренция. Посадить в каменный мешок автора «Фигаро» и «Волшебной флейты» Леопольд не решается. С другой стороны, Вольфганг Амадей является масонским флагом для всей куртуазной Европы. Во-первых, потому, что он гений, бесспорный гений, а еще потому, что вся куртуазная Европа посещает оперу. Посещает и слушает. «Волшебная флейта» агитирует за вольных каменщиков эффективнее всех трактатов масонской Академии мудрости. А во Франции революция, сестру императора Марию Антуанетту держат под арестом. Габсбурги в ярости. Они винят масонов в организации революции, в несчастях королевской семьи Франции, в планах уничтожить все королевские семьи. В этой ситуации Моцарт превращается в проблему политическую. И для решения политической проблемы применяют чисто итальянское средство. Классическое средство тогдашней итальянской реал-политики. Яд. Известную всему миру аква тофану. «Воду Тофаны». Смесь мышьяка и окиси свинца. Этот яд придумала одна добрая неаполитанка по имени Тофана. Она дала попить водички супругу, а потом супругу подруги, а потом еще и еще. Освобождала женщин Италии от средневекового семейного рабства. Но это, Паша, так, лирическое отступление. Я говорю о том, что Леопольд прошел итальянскую политическую школу и хорошо освоил местную науку... Вот таким является глубинный сюжет, дорогой коллега. Сальери приказали отравить, он и отравил. Иначе потерял бы должность первого капельмейстера. Потом бедняга всю жизнь мучился. Через тридцать три года сам сознался, что отравил гения. Но кто был заказчиком – не сказал. Не смог сказать. Не имел морального права. Все-таки полвека харчевался за императорским столом. Так и появилась литературная байка о бездарном композиторе, убивающем из зависти. А какая там могла быть зависть, Паша? Какая к хренам зависть! Сальери

был успешным и богатым. Его музыка звучала по всему миру. С чего бы это ему завидовать человеку, который не имел даже средств на жилье в пристойном районе?

– Д-действительно. С чего б-бы это... – Вигилярный попытался мысленно сконцентрироваться. «У кого не было средств на жилье? Это у Моцарта не было средств на жилье? На какое жилье?» – ползало и не сползалось в его голове.

– Вот читаем воспоминания ученика Сковороды Ковалинского, что Григорий Саввич сравнивал Библию с храмом, – продолжал Гречик. – «Я удивляюсь смыслу храма, но не отбрасываю его внешности», – говорит Сковорода. Насколько мне известно, это прямая цитата из масонского ритуала. Хотя возможно и такое: ученик вставил в уста учителя свои слова. Ковалинский был вольным каменщиком, даже возглавлял ложу. Возможно, именно поэтому в его «альфа-версии Сковороды» цитируются масонские тексты?

– Мас-сонские тек-ксты... – промямлил Вигилярный.

– То-то и оно... В чем-то ты и прав, Паша. Написали кучу литературы, а сколько еще у Григория Саввича остается недосказанного. Возьмем его трактат «Икона Алкивиадская», где он вскользь так упоминает Ехидну. Знаешь ли ты, Паша, кто такая Ехидна? Не знаешь. А Сковорода знал!

– Э-это жив-в-вотное такое, – еле выговорил Вигилярный. Сквозь туман, обволакивающий голову, он почувствовал: разговор, подошедший несколько минут назад так близко, предельно близко к чему-то действительно важному, теперь оказался от этого важного очень далеко. Если бы его спросили, какими именно путями к нему пришло это осознание, он бы не смог ответить. Однако он почувствовал космическое расстояние между тем знанием, о котором намекал старый профессор, говоря «если тебя не опередят», и теперешними его упражнениями в эрудиции.

«В ерундии», – улыбнулся сам себе Вигилярный.

– Животное? – презрительно переспросил его Гречик, глядя в даль, ему одному видимую. – А вот и нет. Не попал. Мимо. Ехидна, Пашенька, это такая женщина-змея из древнегреческой мифологии. Дочь Форкила и Кето, а согласно другим мифам – Калирои. Живет она в пещере. А знаешь, кто были ее бабка и дед? Гея и Понт Евксинский, то есть, как ты понимаешь, Мать-Земля и Черное море. Ничего тебе не открылось в этих раскладах? Нет?

Вигилярный отрицательно покачал головой.

«Понт как понты, – в его сознание проникла неуместная аналогия. – И зачем он меня грузит этой своей Ехидной? Об этой гребаной ехидне Сковорода всего-то полтора раза упомянул».

– ...Это же секретная гностическая аллегория о преградах на пути познания Бога! – На профессора снизошла очередная волна лекционного вдохновения. – Как пишет Григорий Саввич в другом месте: «Ты ехидна ядовитая. Но мы тебя в руки берем». Берем в руки! Ядовитую, смертельно опасную! Это же не просто так написано. В стихотворении Феодосия Гостевича, современника Сковороды, тоже читаем:

Камо идох, безумен? Ехидна сидяше на пути,
Все вои воспятиша; а оная рече: «Симо и овамо!»

Понял? Что такое «симо» и «овамо» знаешь? Должен знать, ты же историк. В переводе со старославянского «туда и сюда». Куда ни пойдешь, получается, а внучка Геи и Понта повсюду сидит. Повсюду! «Почему так?» – спрашиваем. Что хотел нам сказать законник Феодосий? Куда-то проник немый старец святогорский, о чем-то он проведал. Во-первых, заметь, что средневековые алхимики, а потом и масоны, в своих трактатах именовали «ехидной» фундаментальную земляную субстанцию, отпадающую от философского камня на второй стадии его

вызревания. Ехидна – это символ грунта, теллурической основы. Во-вторых – это земля рядом с Понтийским морем. То есть спрашиваем, это аллегория чего?

–..?

– А сам подумай. И вот тебе, Паша, еще пища для размышлений: согласно мифологии, Ехидна от своего сына Орта родила Немейского льва. Затем Геракл льва убил и в его шкуре шастал. Ехидна – львиная мать. Леотокос, сиречь «левородица»! То есть, учитывая тогдашнюю символику, она представлена, как изначальная мать воинов... Но ты, Пашенька, уже совсем устал, – определил Гречик, заглянув в помутневшие глаза гостя. – Давай-ка, я тебя здесь, у себя, спать положу. А завтра мы продолжим, покажу тебе кое-что весьма интересное...

Пригород Львова, 12 марта 1751 года

Протазий Духнич оказался человеком среднего роста, с лицом цвета печеного яблока. Свой огромный живот он покрывал камзолом доброго сукна, сшитым на армянский манер, виссоновой вышитой рубашкой и широким шелковым поясом. Духнич принял Григория, сидя за массивным столом. На стене висел портрет короля Августа. Неизвестный художник изобразил суверена в полный рост, кособоким и с носом-картошкой.

Папаша Прот перехватил веселый взгляд Григория, брошенный на уродливую парсуну.

– Негоже на образ монарха глумливо зыркать, – проскрипел резидент. – Вижу я, что вы, пиворезы²⁵, нынче страх Божий потеряли, в питейных склепах обретаясь.

– Я не пиворез, добрый пан, я спудей, сиречь школяр, – Григорий опустил глаза.

– Какого коллегиума?

– Тринитарского. В Пресбурге.

– Униат?

– Подвигаюсь в страдниках ставропигийного братства...

– Не брешь, – оборвал его Папаша. – Какие там «ставропигийные братства»? О чем поешь, птишка Божия? «Подвизается» он, смотри-ка! Это ты в землях Московских перед благочинной экспедицией малознайкой прикинешься. А здесь ты придурочного из себя не строй. Я таких лайдаков насквозь вижу. Если ты не перешел в унию, то как отцы-тринитарии пустили тебя школярничать, а? А? Что молчишь, раб Божий Григорий? Языком подавился? «Верую» в коллегиуме своем как глаголишь?

– С филиокве²⁶.

– То-то и оно, братчик-отступничек, – нехорошо улыбнулся резидент. – Ну, ладно, пускай... Бог с ним, с униатством твоим... Покажи хрисовулы.

Григорий одним движением оторвал от свиты изрядный кусок подкладки. Дешевое сукно, известное на Слобожанщине как «тузинка», легко разошлось по швам. Из тайника он достал листы тонкого пергамента, покрытые шифрованным письмом. Папаша осторожно взял пергаменты, пробежал глазами по криптографии и спрятал принесенное в секрETER.

– Бери, – резидент одну за другой выложил перед Григорием четыре монеты. Польские, из тусклого порченого серебра.

– Еще обещали пролонгацию²⁷.

– Какую?

– На пребывание в землях Речи Посполитой.

²⁵ Пиворезы – странствующие дьячки.

²⁶ В католическом и в униатском (после Замоиского синода 1720 г. – греко-католическом) вариантах «Символа веры» (молитвы «Верую»), в отличие от православного, закреплено, что Дух Святой исходит как от Бога Отца, так и от Сына (лат. «филиокве»).

²⁷ Пролонгация – продолжение срока действия глейта, паспорта или другого свидетельства.

– Подождешь.

– Здесь?

– Хочешь – здесь, а хочешь – в другом месте... А что, – прищурился Духнич, – в моем доме плохо кормят?

– Кормят изрядно, весьма благодарен. Особенно вкусная у вас юха. Не пробовал ей подобной от самого Пресбурга. Да и пиво знатное.

– А зачем девками брезгуешь? Слабосильный?

– Говорится в Писании: видишь опасность, обойди ее.

– И в чем опасность?

– Среди несохранных женщин, добрый пан, умножились ныне хворые. Страдающие болезнью Онория, чесоткой, сыпью святого Роха и скорбной желтухой. А я с детства до болезней боязливый.

– Боязливый, значит... – кивнул Духнич. – А я уже хотел тебе поручить кое-что... В Киев не собираешься?

– Не в ближайшее время, пан добрый. Хочу сильнее подпереть убогие мои знания латинской премудростью.

– К учению тянешься. Славно. *Abeunt studia in mores*²⁸... А, скажем так, до Рима осилишь добраться? Там такие, как ты, тоже подпирают убогие знания. И латинской премудрости там океан необозримый.

– Для такого, пан добрый, и деньги нужны немалые, и глейты весьма несомненные. Среди спудеев поговаривают, что папские шандары²⁹ восточных не жалуют.

– Не твои заботы.

– Как скажете, пан добрый. Волошскую землю³⁰ я бы не прочь посмотреть.

Некую немалую долю времени царило молчание. Потом Папаша спросил:

– Слышал, небось, что коронный гетман³¹ при смерти?

– Все мы, пан добрый, под Богом ходим.

– Этот уже доходит. Наполовину сгнил. В Риме у него есть доверенные среди достойников папской курии. Для Рима старый греховодник никогда не жалел ни сил, ни времени. Денег не жалел тоже. Хотя ясновельможный пан гетман был известным чародеем, варил золото с чернокнижниками, папешники ему все грехи отпускали. Значит, было за что отпускать. Служил папешникам верно... Ты должен там вывести следующее: после того как пан коронный гетман представится, через кого из местных Рим намерен смущать наши земли...

– Но ведь сии дела касаются великих властителей, дигнитариев, – смиренно заметил Григорий. – А я человек незначительный и без чина. Как сподоблюсь такие высокие сакраменты выводить?

– Отсутствие чинов в таких делах помогает. Мелкое там пролезет, где крупное застрянет... С мелких камушков, Григорий, знатные камнепады начинались. Ты уж поверь мне. Я о властителях и о делах, тех властителей касаемых, знаю побольше, чем твои дидакалы. Пойдешь в Римскую землю паломником. Мордой ты на пилигрима вышел, вон какой бледный и молитвенный... – Папаша порылся в бумагах, нашел там некий пергамент. – И вот еще. Будет тебе задание полегче. Говорят, что Орлик³² тайно и под чужим именем подался в Венецию. Нужно вызнать, что он там забыл и с кем он будет встречаться. Сейчас там турецкие правящие

²⁸ Занятия отражаются в характере (*лат.*).

²⁹ Шандары – жандармы (*венг.*).

³⁰ Волошской землей в Украине называли Италию.

³¹ Великий коронный гетман – магнат Юзеф Потоцкий, титульный воевода киевский; лидер профранцузской польской шляхетской партии. Умер после длительной болезни в мае 1751 года.

³² Григорий Орлик (1702–1759) – сын гетмана Пилипа Орлика, крестник Ивана Мазепы, граф де Лазиски Дентвиль, генерал-поручик французской армии (1759), регулярный масон.

люди пребывают. Возможно, он с ними интриги разводить будет. А возможно, и другое что-то злостейное, понеже от Грыця оного мы постоянно партизанские нападения наблюдаем... – Резидент помахал пергаментом, словно на нем обозначили упомянутые «нападения». – Теперь на севере нависла война со шведами. Через два месяца, говорят, флот выйдет из Кронштадта. Мы знать должны твердо, что юг не колыхнет бунтом. Что турки останутся мирными и не всадят нам нож в спину. Сии дела государственные, важные. Если сумеешь вызнать о вражьих помыслах Орлика, получишь золото для постижения любимой твоей премудрости. И в Киеве найдется, кому перед Леонтьевым³³ и преосвященными за тебя слово замолвить, я позабочусь. Ведь ты, Григорий, – оскалился Папаша, – истинный злодей, апостат, причетник беглый. Регентство бросил, от Вишневецкого³⁴ самовольно ушел. Да еще и в унию перекинулся. И сего тебе никто не простит, если на службе царевой не постарайся. Висеть тебе на дыбе. А ведь дядя твой в Санкт-Петербурге не последний человек. Опечалится, ох опечалится Игнатий Кириллович, когда про тебя, выродка такого, дознается³⁵.

– Я от отцовской веры не отступал. Креста отеческого не снимал, прямых еретиков, иудеев и лютеран избегал. Все посты соблюдал по православному. Всех святых угодников поминал без пропусков. Не апостат я, вины на мне нет. Игнатию Кирилловичу стыд за меня иметь не следует. А Гаврила Федорович сами меня от регентского чина отставили, из капеллы выгнали, – тихо пересохшими губами произнес Григорий. – А про сии ваши сакраменты, то не ведаю, добрый пан, под силу ли мне...

– Не гунди, страдник. Знаешь, наверное, что со времен первого Петра в Европу посылалось немало из тех, кто в знаниях промыслить был способен. Из тех школяров потом министры, архиереи и даже великие канцлеры вышли. Не ты первый, не ты последний. Еретиков, говоришь, избегал? Опять брешешь. Мы о тебе знаем больше, нежели ты думаешь. Ты, как мне донесли, в австрийских землях с местной масонерией знался.

– Я с ними совместно постигал науки.

– И пиво совместно с ними пил. И на шабашах совместные к их магистрам бегал. Я не церковный суд, там будешь оправдываться. Нам же, скажу по правде, твоя фармазонщина только на руку. Ближе к Орлику подобраться сможешь. Орлик – фармазон основательный, в одной из парижских лож с самим принцем Конти сидит. Так вот, ты уже сегодня пойдешь к тому мальтийцу, с которым вчера «Под кляштором» пиво пил. Попросишь у него рекомендации для итальянских фармазонов. Я так мыслю, что Орлик в тех кумпаниях должен объявиться. Где же ему еще объявляться? В граде Венеции этих магистров не так уж и густо, все друг друга знают. А оттуда и до Рима рукой подать.

– Мне нужно поразмыслить над сиими диспозициями.

– Да ведь ты уже на все согласился.

– Когда?

– Ты же сам сказал, что хочешь Италию обозреть, – Папаша Прот не скрывал своего веселья. – Я же перед тобой, шамайником голожопым³⁶, здесь только что целую стратегию выстроил. А она, как ты понимаешь, сугубо секретная. Под государевым словом и делом пребывает. Теперь тебе обратного хода нет.

– Помилуйте, добрый пан... – Григорий казался перепуганным.

³³ М.И. Леонтьев – киевский военный генерал-губернатор (1743–1752).

³⁴ Полковник Гаврила Федорович Вишневецкий – начальник Токайской экспедиции (1750), в составе которой Сковорода выехал в Европу.

³⁵ Игнатий Кириллович Полтавцев – родной дядя Г. С. Сковороды, крупный петербургский вельможа. В царствование Елизаветы (1741–1761) Игнатий Полтавцев исполнял должность императорского камер-фурьера. Его дом был всегда открыт для детей Саввы Сковороды.

³⁶ Шамайник – дударь, флейтист.

– Да не бойся ты так, – хмыкнул резидент. – Ты же казацкого рода ветвь. А дрожишь тут, как цорка нецелованая.

– Я духовного призвания муж.

– Не смертельно. В царском деле, поверь мне, и архиереи надлежаще тшятся, – перед Григорием появился кожаный кошель. – Возьми эти талеры, стражник, иди к мальтийцу. Пива с ним выпей. Завтра тебя буду здесь ждать. Не позднее заката. Не позднее, слышишь? Пароль у дверей будет: «Минерва выпускает сову».

Когда за Григорием закрылась дверь, Духнич вынул из тайного ящичка таблицы и принялся расшифровывать сообщения венского агента, принесенные школяром. В первом сообщении речь шла о новой жене русского посла в Австрии, которую венский двор не признал законной графиней Бестужевой. На последнем официальном рауте императрица Мария Терезия сделала вид, что не замечает оной, а посол Михаил Бестужев от такого публичного унижения захандрил и ушел из дворца еще до подачи десерта.

Эта новость весьма обрадовала резидента. Он знал, что канцлер Алексей Бестужев был категорически настроен против женитьбы своего шестидесятилетнего брата Михаила на молодой резвой вдове Гаугвиц. Канцлер надеялся, что сам станет наследником имений брата, но внезапный брак расстроил его планы. Он приложил колоссальные усилия для того, чтобы и в России, и в Австрии поставить под сомнение мезальянс посла и вдовы. И вот теперь эти усилия принесли зримый плод.

«За такую симпатичную реляцию Алексей Петрович отсыплет целый кошель червонцев», – мысленно подытожил Прот и взялся за второе послание, в котором речь шла о пребывании беглого капеллария Григория Сковороды, сына Саввы, во владениях германских кесарей. Агент сообщал, что упомянутый Сковорода на почве ученых занятий и книжных стараний сдружился со шляхтичем Орестом Коллонтаем, вольным каменщиком ложи польских изгнанников «Пеликан к Белому Орлу». А еще с венгерским астрономом Белой Фери, псевдонимом Ракасский, аффилированным³⁷ в прошлом году в ложу «Филомена». Агент напоминал, что в «Филомену» перед Филипповым постом приняли польского партизана и ненавистника России Михала Конюковича – доверенного друга Орлика-младшего.

«Как в воду глядел, – похвалил себя Папаша Прот. – Вот оно где, *кубло* то вражеское».

Он позвал к себе одного из охранников. Когда тот стал под портретом короля, резидент спросил:

– Хорошо запомнил того причетника, что у нас ночевал?

– Запомнил, ваше.

– Не «ваше», лайдак, а «ваша милость»! Сколько вас, дурней, регулам³⁸ учить.

– Прощения просим, ваша милость.

– Пойдешь за ним в город. Все должен о нем вызнать: куда пойдет, с кем увидится, что делать будет. Понял?

– Да, ваша милость. Не впервой.

– Вот и хорошо, что не впервой. Следи, не ленись.

Киев, июль, наше время

Ночь Вигилья прошла беспокойно. Во сне он шел по бесконечной площади, вымощенной черными и белыми плитами. На этой шахматной поверхности не росли деревья и не текли реки. Ни возвышенности, ни углубления не нарушали идеальной гармонии плит. Плиты,

³⁷ Аффилиция – символическое «усыновление», то есть законное принятие в надлежащем градусе в масонскую ложу.

³⁸ Регулы – правила.

до самого горизонта одни только плиты. Над плоскостью вознеслось высокое светлое небо. Солнце пекло где-то за спиной, но сновидец не решился обернуться посмотреть на светило. Он шел, шел, шел, шел размеренным шагом, пытаясь не наступать на плитки черного цвета. Шел долго. Наконец двухцветное однообразие сломало круглое строение – ротонда с высокими белыми колоннами и небесно-синим сводом, сошедшая, быть может, с картин времен Ренессанса. Ротонда выглядела, как храм, но на самом деле оказалась беседкой, где за накрытым столом сидела черноволосая женщина в белой хламиде. Цвет ее лица сновидец определить не смог. Оно напоминало венецианскую маску, сработанную из зеркального металла. В этой маске, показалось сновидцу, отражались тени и изменения прошлого, беспокойного мира. Женщина мило улыбнулась металлическими губами и жестом пригласила его к столу.

Он присел на краешек полосатого барочного диванчика, но не решился положить руку на сияющий отраженным небом позолоченный подлокотник. Он никак не мог рассмотреть, что именно лежит на столе. Сначала ему показалось, что на серебряную тарелку положили фрукты. Но потом красные яблочные шары превратились на раскрошенные пирамидки пармезана и горгонзолы. А вокруг серебряной тарелки выросли хрустальные столбики бокалов, наполненные жидкостью цвета хереса.

«Ты устал?» – спросила женщина.

«Нет», – ответил, сам спросил:

«Кто вы?»

«Тот, кого мир ловил, но не поймал».

Сновидца почему-то не удивил этот ответ. Совсем не удивил. Это же только сон. Если во сне покойный философ приходит в образе металлической женщины, значит, так нужно. Он мог появиться в образе крылатого льва и в образе мыслящего вихря. Это его воля, его мир и его владения.

«Как вас теперь величать?»

«Имена в прошлом».

«Что же осталось?»

«Стремление к познанию».

«Разве смерть не убивает стремление?»

«Смотря что называть смертью».

«Грань. Предел».

«Это лишь предрассудок. Смерть намного сложнее. Она не любит итогов. Она текучая, в ней мириады лиц. Она готовится к встрече с каждым и поэтому присутствует при каждом рождении. Она впитывает в себя опыт предыдущих смертей. Когда ты приближаешься к ней по собственной воле, она отступает. Она не позволяет руководить собой и жестоко мстит тем, кто пытается это сделать. Истинная смерть имеет сестер, которых сложно от нее отличить. Они строже ее. Они темнее ее. Они моложе ее. Она посылает их к тем, кого желает испытать. Если человек отличает немилосердных сестер смерти от смерти истинной, такого человека зачисляют в тайную свиту смерти. Такой человек находится среди живых, но ему известны знания, запретные для живого. А еще смерть меняется и набирается мудрости. Смерть во времена фараонов и смерть в наше время – две совсем разные смерти. Это одна из глубочайших ее тайн. Таким, как ты, это трудно понять. Я тоже не понимала».

«Я боюсь смерти».

«Правильно делаешь. Она умеет удивлять».

«Удивлять тем, что после нее?»

«Тем, что сама определяет степень исполнения правил сущего».

«А Бога?»

«Что?»

«Бога она тоже определяет?»

«Меньшее никогда не определяет большего».

«Ты видела Его? Или, может быть, нужно спрашивать “ты видел?”»

«Как тебе удобнее. Живым удобнее постигать Его, нежели мертвым. Нам для того и дается жизнь, чтобы мы дерзали постигнуть Бога. Однако мы не умеем, не успеваем, не учимся постигать Его, а потом жалеет. Узнаем, что на самом деле могли постигнуть, а не постигли. Это и есть ад».

«А рай? Как же с ним?»

«Рай такой, как это вино. Вкусное?»

Сновидец не успевает выпить вино. Он пытается увидеть бокал, но внезапно ротонда превращается в карусель. Она начинает вращаться, и он просыпается.

У Вигилярного был небольшой опыт похмелья. Ему показалось, что он пробудился от головокружения – голова кружилась еще во сне, а после пробуждения безжалостная карусель прибавила оборотов. До туалета он не добежал – его вырвало на пол.

«И как это космонавты в центрифугах выдерживают?» – удивлялся Вигилярный, ища ведро и тряпку.

Откуда-то сверху донеслись звуки. Будто бы двигали чем-то тяжелым.

«Однако же конское здоровье у нашего профессора, – позавидовал одесский гость. – После такого адского похмелья еще и мебель переставлять... А может, это он там штангу поднимает?»

Вигилярный выглянул в окно, выходящее во двор. Над киевским пригородом поднимался и расправлял лазурные крылья солнечный день. В беседке под орехами так и остались неубранными остатки вечерней трапезы. Пиала казалась яркой запятой неоконченного ночного предложения. Пустая бутылка лежала на гравии, рассеивая призматическими гранями утренние лучи.

На втором этаже вновь что-то загрохотало. Гость оторвался от окна и продолжил поиски. Еще не хватало, решил он, чтобы корифей наткнулся на позорные последствия его, Вигилярного, абстиненции.

Тряпка и ведро нашлись на кухне. Сама же кухня оказалась на удивление просторной для такого, в общем-то, скромного дома. Здесь располагались «дворцового» размера обеденный стол, окруженный венскими стульями (старинными, изящно гнутыми, покрытыми темным лаком), и габаритный холодильник. Вигилярный понял, что при худших климатических условиях именно здесь совершались коллективные мистерии профессорского гостеприимства. Он заглянул в холодильник. Его объем весьма плотно заполняли бутылки элитной водки и виски, консервы и вакуумные пакеты с дорогими итальянскими сырами, колбасой и нарезанной ветчиной. В дверцах холодильника, словно гвардейцы на плацу, выстроились банки «будвайзера» и «Балтики». Вигилярный едва удержался от вульгарной тактики преодоления похмельного синдрома. Тошнота все еще таилась в засаде.

Вода из крана едва лилась. Он дождался, пока ведро наполнилось на четверть, возвратился в комнату и кое-как отмыл пол. Когда уже выкручивал тряпку, то услышал шаги. Как бывает в доме со старыми деревянными ступеньками – сухие и барабанные. Вряд ли это шаги профессора, решил Павел Петрович. Далеко не тяжелый и не старый человек спускался по ступенькам. Вниз упруго сбегали молодые ноги.

Вигилярный выглянул в коридорчик и увидел девушку. На первый взгляд она была именно девушкой. Хотя могла оказаться и молодой женщиной. Спортивного типа. С длинными, затянутыми в узкие джинсы, ногами.

– Доброе утро! – поздоровался гость.

Видно было, что девушка не ждала появления незнакомого человека. Она резко обернулась на его голос. Ее рыжие волосы, собранные в пышный хвост, мотнулись, но удержались

в пучке, словно склеенные. Лицо девушки оказалось широким, с выразительными скулами и аккуратным носиком.

«Она и в самом деле юная, – заметил Вигилярный. – Лет восемнадцать. Ну, двадцать».

– Я гость Геннадия Романовича, – опередил он вопросы рыжей. – Геннадий Романович позволил мне остаться здесь на ночь... А вы, я так понимаю, его дочь?

– Дочь, – подтвердила девушка. В ее светлых глазах застыли настороженность и нечто отстраненно-буддистское, обычно – как знал Павел Петрович – плохо сочетаемое с настороженностью. Взгляд дочери Гречика показался гостю ощутимо твердым. Впечатление было такое, что глаза девушки направляют на него невидимый таран.

«Неужели я на вора похож?» – удивился Вигилярный, а вслух спросил:

– Геннадий Романович еще не проснулся?

– Еще спит, – подтвердила рыжая, не отводя своего «таранного» взгляда от лица Вигилярного. – Я уже бегу, извините. Не успею кофе вам приготовить. До свидания.

– Ноль проблем, – широко улыбнулся гость. – Надеюсь, позднее увидимся.

Девушка не ответила. Выбежала из дома, коротко хлопнув дверью.

«Какая-то резкая у профессора наследница. Неприветливая», – подытожил Вигилярный и пошел искать кофеварку.

После двух чашек кофе его отпустило. Тошнота покинула засаду, отступила в свои нутряные укрытия. Не замедлил проснуться аппетит. Вигилярный с удовольствием употребил холодную ветчину, заварил новую порцию кофе и решил побеспокоить профессора.

«Все-таки уже одиннадцать, – он сверил наручные часы с хронометром на экране мобильного. – А он все еще спит, сурок старый. Ехидну, наверное, во сне видит. Здоровенную такую ехидну, рассеившую своей ехиднинской задницей на всех путях одновременно. А ведь глупости говорят, будто бы сон алконавтов глубок, но краток».

Вигилярный поднялся на второй этаж, подошел к закрытой двери и осторожно постучал по лакированному дереву. Никакого ответа. Он приоткрыл дверь и увидел разбросанные по полу книги. Коричневые томики Брокгауза и ярко-синие Ключевского. Это удивило Павла Петровича, и он решил осмотреть комнату. Профессора там не было. Постель разбросали, книжный шкаф отодвинули от стены. Плинтусы были сорваны. Одну из досок пола выломали. Ее обломок торчал, как корма тонущего «Титаника».

Впечатление было такое, будто кто-то провел в комнате быстрый и brutальный обыск.

«Так вот что это за звуки были», – догадался Вигилярный. Он вспомнил реакцию девушки на его появление. Теперь ему стало беспокойно. Очень беспокойно. И холодно. Словно ему на плечи накинули мокрую простыню.

Он побродил по комнатам. Гречика нигде не было. Однако и новых следов обыска не нашлось. Осмотр двора тоже не прояснил ситуации. Вигилярный окончательно сбросил с себя похмельную неторопливость. Его движения обрели уверенность и проворность. Он заглянул в недра невысокой пристройки, принятой им за гараж. Там обнаружилась домашняя мастерская с токарным станком и фрезой на массивной станине. Вдоль стены сложили дубовые доски, паркет и обрезки труб. Топоры, пилы, цепи повесили на стене. На полках, под потолком, выстроились шеренги банок, бутылей и закупоренных стаканов. С потолочных балок свисали шнуры.

«Профессор здесь мастерит, наверное, – предположил Павел Петрович. – Расслабляется рукоделем». Глаза его тем временем привыкли к полутьме и заметили нечто жутковатое.

Ручейки пота мгновенно смыли холод со спины Вигилярного. Из-за токарного станка торчали босые старческие ноги с широкими, набухшими ступнями. Несколько минут он не отрывал взгляда от кривых, небрежно обрезанных ногтей и желтовато-восковой кожи, словно припудренной серым. А когда оторвал, то заметил, что фрезерная плита залита жидкостью,

казавшейся в полумраке жирной и черной. Стружка на полу набухла темными грудками. Он уже знал, что увидит, если заглянет в узкий проход между станками.

«Немедленно бежать отсюда», – решил Вигилярный. Ведь рыжая не просто так оставила его в живых. Вероятно, «назначила» именно его тем терпилой, на которого органам будет удобно списать убийство профессора. Он прислушался. На улице заскрипела калитка. Потом послышались голоса. Вигилярный судорожно осмотрелся вокруг. Слева от себя он обнаружил узкий проход, ведущий, судя по всему, в жилые помещения дома. В проходе он увидел крутые ступени, спускающиеся вниз, к двери, обитой крашеной жестью. Он подергал ее. Судя по звуку, дверь изнутри запирала лязгающая задвижка. Не требовалось усилий воображения, чтобы догадаться: проход вот-вот превратится в ловушку.

Тем временем звуки, доносящиеся со двора, становились все более определенными. Там разговаривали. Кто-то весьма энергично раздавал распоряжения, смысл которых почему-то не доходил до паникующего сознания Вигилярного. Воображение компенсировало проблемы восприятия, рисуя деловитую команду милицейских ищек, рыскающих владениями покойного профессора.

«Подставила, ментов вызвала... Вот сука!» – он сильнее дернул крашеную дверь. Ему показалось, что невидимая задвижка поддалась его напору. Зацепил пальцами за край двери и почувствовал, как жестяной лист режет кожу на пальцах. Но выбирать не приходилось. Вигилярный предельным усилием потянул дверь на себя, запиравшая ее железка оторвалась и упала. Как показалось ему, с оглушительным звоном. Дверь подалась, он едва удержался на ногах. Боль от порезанных пальцев добежала до мозга.

«Только бы на улице не услышали!» – попросил он неведомые высшие силы.

За дверью повисла непроглядная темень. Вигилярный вытянул перед собою руки и на ощупь двинулся в эту тьму. Вскоре под рукой вместо шершавой стенки оказалось что-то гладкое и с выступом посередине.

«Выключатель!» Спустя мгновение тьма исчезла. Он стоял посреди довольно длинного и высокого кирпичного коридора, освещенного голой лампочкой, свисающей на скрученной проволоке. В дальнем углу коридора Вигилярный заметил еще одну дверь. Третий выход из коридора – и тоже закрытый – обнаружился рядом с ним, в правой стене. Нужно было выбирать. Причем быстро. Он попробовал сориентироваться в подземном пространстве. Вспомнил расположение мастерской, лестницы и коридора. Получалось, что двери справа вели к цокольным или подвальным помещениям особняка, а затем, скорее всего, в комнаты на первом этаже. Но туда уже могли заглянуть защитники правопорядка. Поэтому Вигилярный двинулся к торцевой двери. Она была значительно крепче той, от которой Павел Петрович оторвал задвижку. Дверь сварили из трехмиллиметрового листового металла и оснастили врезанными замками. Вигилярный внимательно присмотрелся к замочным щелям: в нижней разглядел колодку цилиндрического замка, в верхней – торец сейфового «бриссоля».

Когда-то, сам не зная зачем, Павел Петрович купил на базаре брелок с набором ключей-отмычек. Теперь криминальный сувенир мог его выручить. Он вынул брелок из кожаного футлярчика, раздвинул веером вороненые крючки и пластины.

«Вроде бы приличная сталь, – оценил Вигилярный. – Вот этот крючок, кажется, у блатных называется «люськой». А этот – «карпычем». Как-то так...»

Он вставил «карпыча» в нижнюю щель. Нажал, провернул, ощущая, как инструментальная сталь преодолевает сопротивление, срезая профиль колодки, насилует фуфловый металл. Потом услышал характерное клацанье.

«Виват!»

Сейфовый замок продержался значительно дольше. Между попытками его сломать Вигилярный прислушался к внешним звукам, но ничего подозрительного не слышал. Когда дверь наконец-то открылась, ощутил запах ацетона. За дверью оказалась кладовка, треть которой

занимал старинный платяной шкаф. На полу кто-то оставил осколки винной бутылки, в углу ржавела канистра. Вигилирный сразу понял, что сюда давно никто не заглядывал. На полу, на осколках, на резных узорах шкафа покоился слой девственной пыли.

Он осмотрел зарешеченное окно. Решетку можно было сломать, но сделать это бесшумно и быстро вряд ли вышло бы. Он уже было вернулся в коридор, но что-то заставило его внимательней присмотреться к шкафу. Может, он вспомнил фильм о Нарнии, а может, какое иное воспоминание подтолкнуло его к допотопному гардеробу.

«Ведь зачем-то же, – подумалось Павлу Петровичу, – затащили эту древность в подвал, да еще и защитили от стороннего любопытства металлической дверью. Неспроста это, ой неспроста».

Львов, 12 марта 1751 года

Григорий настороженно (а сам он определил: «осмотрительно») шел Львовом. Он не любил городов с их подлым, злым и зря толпящимся народом. Деревни были ближе его пониманию. Они жили хозяйственными и святочными коловоротами, от урожая до урожая, от праздника к празднику. Их естество не вмещало хитрых стратегий. А в городах Сковорода каждый миг своего пребывания ощущал, как растет, ворочается, пульсирует в их мистическом сердце дальновидный замысел. Как живет своей причудливой и спрятанной от посполитых людей жизнью та стержневая корыстная необходимость, благодаря которой города и возникли. Духовным зрением Григорий видел: та необходимость, которая пряталась в мистическом сердце Киева, имела торговый смысл. Киев родился как речной базар на берегу Подола, продолжился как базар и жил теперь как базар. Всем его святым церквям, пещерным криптам, монастырям и часовням не хватало сил, чтобы молитвенными подвигами, покаянными шествиями, постами и схимами переназначить барыжную судьбу града Владимира и Ольги. Призвание Санкт-Петербурга определилось волей одного человека – его основателя. Город Петра родился схемой и жил как схема. Геометрически правильная, солдатская пустота площадей равнодушно господствовала над его домами, радовалась свежему снегу и желала военных парадов.

Необходимость Львова показалась Григорию призванием иного свойства. Воля князя-основателя уже давно не владела его замками. Ее заслонил замысел польского короля Казимира, давшего городу военно-торговое назначение. Рынки и фарные площади³⁹, где продавали и покупали все, чем торговали Европа и Азия, влияли на призвание города Льва не так фатально, как на ту метрополию, чьи кривые строения обсели Печерские высоты. Дворцы и дома Львова жались друг к другу спинами, будто ночные стражи, потревоженные исходящей из тьмы угрозой. Обыватели галицкой метрополии жили под защитой нагроможденных веками каменных стен, настороженных башен и угрюмых ворот. Львов, как и австрийский Пресбург, был прежде всего крепостью, созданной для противостояния завоевателям и кочевым демонам. И Григория, как исповедника вольного духа степей и странствий, он признавал чужим себе и не принимал в свое бытие. Сковорода знал, что вскоре покинет эту напряженную прикарпатскую крепость и критически приблизится к Отцу городов – Риму. Он пожелал познать еще и ту счастливую необходимость, на которой воинственный Ромул основал Вечный город. Он давно бредил Италией и ныне побеждал холод ранней львовской весны мечтами о жарких прикосновениях апенинского солнца.

Над львовскими башнями и куполами тем временем собирались тучи. Григорий все чаще и чаще поглядывал в небо. Ему рассказали, как прошлым летом молния дотла сожгла карету, в которой на исповедь ехала жена местного патриция. Это произошло в самом центре, едва ли не на Рыночной площади. Патрицианка, поговаривали, уцелела лишь благодаря своей глу-

³⁹ *Фарные площади* – рыночные майданы, где торговали зерном и фуражем.

бокой набожности и покровительству святой Агнессы, чьим именем нарекли ее при крещении предусмотрительные родители. Грозы в марте считались редкостью, но для карающих сил, как известно, нет ничего невозможного.

«По воле высшей и неисповедимой бугало огненный навестил сего невострепетавшего, избавил его отягощенную многими прегрешениями натуру», – снова звучал в его голове незабвенный голос Начитаного. Слова стучали в висках, как молотки масонских венераблей⁴⁰. Опасность была совсем рядом. Опасность нависала, как зубастые гранитные глыбы в зените выкрошившегося свода. Опасность, опасность, опасность. Он догадывался, что львовские замки не защитят его, чужака, от небесного бугала. Но он все равно выбирал для странствия наиболее узкие улицы, рискуя попасть под выливаемые из окон помои.

На Сербской к Григорию прицепился нищий. Грязный, водянисто-пузатый, в лохмотьях. Прогугнявил:

- Подай, подай, добрый пан, шелюжку. Молитвеннику на прокорм!
- Не имею, человеке Божий.
- Ачей кроху, щедрейший пан.
- Сам безбарвачник есмь.

Нищую морду покрыла ухмылка.

– Боишься огня небесного, – то ли спросил, то ли определил попрошайка. – Иди, иди к Черной горе, там лежит камень писанный, возле него живи. Огнь падающий того камня боится, дальней дорогой его обходит.

Григорий оторопел. Пока собирался с мыслями, попрошайка исчез. Только смрад, по сильнее помойных ароматов улицы, повис в воздухе, подтверждая, что нищий провидец не был призраком. Сын Саввы перекрестился. И без того бледное лицо его покрылось пятнами цвета каррарского мрамора.

«Что это было? Кто сей юродивый? Неужели страхи мои на челе моем начертаны?» – Теперь он не осмеливался взглянуть выше стрельчатых крыш. Превозмогал давнюю привычку и не отрывал взгляда от затоптанного уличного настила. Только чувствовал, как сгущаются, наливаются тяжелой влагой грозовые тучи.

В церковь Святого Николая он успел до дождя. Почти бегом добежал до центрального нефа. Упал на колени перед суровым ликом святителя Мирликийского и вознес молитву. Но моление вышло пустым и неправильным. Благие энергии не восстали в его естестве, тело и голова оставались сочетаниями влаги, слизи, костей и мяса. Сумеречными и суетными вместилищами плотного в плотной среде.

- Это ведь вы хотели видеть преподобного отца Кирика? – услышал он голос за спиной. Он повернулся, увидел молодого служку, подтвердил:
- Истинно.
- Следуйте за мной, – служка нырнул в дверь внешней галереи.

Григорий поднялся, последовал за служкой и быстро приноровился к его широкому шагу. Вместе они прошагали внутренним церковным двором к высокой кирпичной базилике. Зашли в притвор, свернули на витую лестницу. Она вела глубоко под землю. Служка снял со стены факел, подсветил себе, открывая дверь с причудливой медной ручкой. Эта ручку отлили в виде мантикоры – сказочного крылатого чудовища с телом льва и человеческим лицом. Григорий попытался вспомнить, какое из алхимических действий символизирует мантикора. Но поток дальнейших событий отвлек его от алхимии и чудовищ.

Навстречу ему из-за двери выпрыгнули странные звуки. Молитвенный речитатив, нечеловеческий вой, визгливые стоны. Отец Кирик уже начал ритуал изгнания демонов. На грязном каменном полу судорожно извивалось тело юноши, почти отрока, с длинными растре-

⁴⁰ От французского *venerable* – досточтимый. Титул Тронного Мастера масонской ложи.

паннами волосами. Вокруг горели черные и зеленые свечи, лучились золотом и киноварью расставленные крестом иконы, колыхались темные фигуры клириков и мирян, отстраненно бродил огромный рыжий кот.

Григорий заметил, что у бившегося в судорогах юноши красивое тело. Сильные руки, гибкая талия, узкие мускулистые бедра. Такие тела он видел на гравюрах Джулио Романо. Он зажмурился и зашептал молитву, отгоняя неуместные мысли. Теперь ему действительно стало страшно. Он слышал, что во время изгнания демона нельзя мысленно отвлекаться по пустякам. Тем более, отвлекаться на прелести плоти. Известно было, что изгнанный демон может использовать грешную мысль как дыру и пролезть сквозь нее в сухую на ритуале душу. Григорий слышал о подобных прорывах обезумевших темных духов. Даже видел одного бесноватого, подцепившего беса-наездника во время экзорцизма.

«Раб не вечного ты, Григорий, несдержанный и беспутный еси», – выругал он себя и открыл глаза. Лучше бы не открывал. Бесовская сила необоримо выкручивала и ломала тело юноши. На нем остались лишь жалкие клочья одежды. Мышцы на теле бесноватого перекатывались шарами, жилы, казалось, вот-вот порвутся, а стержень мужской силы налился темной кровью, напрасно ища утешения. Юноша обладал приапическим фаллосом – огромным, благородно изогнутым, красиво увитым нитями кровогонных жил. Фаллос жил своей особой жизнью, вращаясь, словно пушечное дуло на окруженном супостатами бастионе, хлопая бесноватого по животу и ногам, упираясь в пол, разбрызгивая слизистую смазку.

Юноша время от времени пытался поймать его руками, но могучий орган ускользал от его пальцев и продолжал свой парадоксальный танец. Казалось, что его движения и вызвышенный речитатив демоноборца подчинены некоему общему ритму. Из-за этого резонанса весь ритуал обретал для Григория одновременно соблазнительную и мерзкую двусмысленность.

Свечи горели и поднимались к сводам витые шнуры черной копоти.

Слова полосовали беса, как ангельские бичи.

И продолжался танец.

«Похотливая пляска», – мысленно уточнил сын Саввы.

«Божественный танец изначальной Силы», – шепнуло нечто в его голове.

Борьба за гибнущее человеческое тело увлекла Григория зловещей красотой воплощенного в движении отчаяния. Из демоноборца он, вопреки собственной воле, постепенно превратился в увлекшегося зрителя.

«А если бы, – подумал он вдруг, – вместо юноши здесь корчился старый дед с высохшими и гнусными, как старая тряпка, чреслами? Неужели борьба его духа с захваченным бесами телом так же отвлекала бы меня от духовного долга?»

Он ощутил, что ритуал достигает вершины, высшего напряжения борьбы преподобного Кирика с упрямой сущностью.

«Назови свое имя, демон!» – приказал сущности экзорцист.

Бесноватое тело ответило рвотой, ругательствами и волчьим воем.

«Назови свое имя!» – голос Кирика пел, звенел, грохотал, как большие лаврские колокола.

Фаллос бесноватого подлю изверг струю спермы, облившую рясу священника. Бесноватый дико захохотал, сотрясаясь в чудовищных судорогах.

«Имя!»

Плотское естество Сковороды в этот миг пронзила жгучая внутренняя молния. Она ударила вдоль позвоночника, выйдя из чресел, раздвинув перепуганные легкие и войдя в основание шеи. А за внутренней молнией, будто пехота за конницей, надвинулись роты телесных болей, батальоны страхов и дурных предчувствий.

«Неужели это изгоняемый демон пробивает себе путь к моей бессмертной монаде?» – ужаснулся Григорий.

«Господи, помилуй!» – прошептал он, принуждая себя смотреть на бородатое и темное от напряжения лицо отца Кирика. Оно напомнило Григорию святые лики столпников на фресках Печерских храмов. Он смотрел на этот звонкий, возвышенный лик. Он любовался им, как последним оплотом святости. Он цеплялся за него, как утопающий за ковчег праотца Ноя. Он искал в нем мощь неувечного света евангельского. Но сквозь него видел низкие, вымазанные похотью и тленом, тени прошлого. Видел свои детские желания и взрослые соблазны.

Видел могучее тело Крома-Карны, мужское и женское одновременно. Видел алые губы степной богини и горячий столп осеменяющей силы Крома. Видел мощные смуглые бедра и глаза, обещающие сладкую смерть слабосильным. Видел жадное бездонное лоно Карны и черные волосы бога воинов, заплетенные в походные косы.

«Сгинь, сгинь, нечистая сила!» – вдруг выкрикнул он одновременно и бесу, и древним богам Степи, и жгучим воспоминаниям. И даже не увидел, а ощутил удивление служки, стоявшего рядом. Даже рыжий кот, как почудилось Григорию, посмотрел на него неодобрительно. Григорий понял, что крик его получился истерическим и писклявым, что демона этим криком он несколько не напугал, и, тем более, никак не помог преподобному Кирику выяснить истинное имя нечистого. Наоборот, продемонстрировав свою слабость, лишь вдохновил врага на дальнейшее сопротивление.

Даже на полслова не сбился отец Кирик в молитве. А закончив ее, он вновь громоподобно потребовал:

«Имя!»

Тело бесноватого вновь мелко-мелко затрепетало, выгнулось «мостиком», вывернулось невозможным левосторонним «винтом». Из его распухшего, почерневшего от притока крови фаллоса вновь забил фонтан семени. Несколько капель попали Григорию на лицо. Он задрожал, брызги причинного сока обожгли его кожу, будто раскаленные адские искры.

Вместилище беса ощерилось на Сковороду. Он услышал (или так ему показалось) нечеловеческий голос, исходящий от бесноватого тела: «Идешь в Рим, так иди, иди! Пошел, пошел отсюда!»

Новая внутренняя молния выпрыгнула из чресел Григория, из восставшего грешного царства праматери Евы. Семя его тоже излилось. Благо, что его приняли в себя заплатанные школярские барваки.

Батыевою ордою молния прошла по хребту, обожгла сердце, сдавила стальным обручем шею и победно ворвалась в голову. От адамового яблока рванулась к горлу и носовым пазухам, ударила в переносицу и там взорвалась неожиданно острой, разрывающей мозг болью. В глазах сына Сковороды вспыхнуло пурпурное сияние.

«Демон!» – запищало что-то в затылке. Боль словно вывернула ему глаза. А потом, как старый, траченный молю, занавес в крепостном театре Салтыкова, на сознание Григория опустилась добрая морщинистая тьма.

Бешиха-бешихище
 Колочая, шипучая, жгучая, зудящая,
 Нудящая, ветряная, водяная, кровяная, пожарная,
 Глаженная, подуманная, помянутая, помысленная, насланная,
 Разойдись, развейся и на этом слове аминь!

...Они вместе с малым Яцеком прячутся от грозы в лесу. В прорезанном оврагами Совитовом редколесье. Идет дождь. Им холодно. Яцек прижимается к нему, и сквозь мокрую одежду юный Григорий ощущает тепло его тела. Это тепло совсем не такое, как то, что идет от печи или кострища. Совсем другое. Оно вызывает обратное тепло, рождающееся в теле Григория. Где-то глубоко в его животе.

Сначала он не обращает внимания на это обратное телородное тепло, но оно упрямое. Оно расплзается его мышцами, ослабляет ноги, тревожит его крайнюю плоть. Ему хочется еще сильнее прижать к себе Яцека. Его руки самовольно начинают искать островки причинного тепла. Ищут медленно, очень медленно. Яцек не противится этим поискам. Его тело откликается на поиски Григория тихой, едва ощутимой дрожью. Мальчик поворачивает голову и очень серьезно смотрит на старшего приятеля. Он ниже ростом и стройнее сына Саввы, его кожа темнее. У него большие светло-коричневые глаза. От его тела исходит запах травы и дождя.

Он кладет свою ладонь на ищущую руку Григория. Гладит ее, потом сжимает. Без усилия, нежно и доверчиво. Потом ведет его руку туда, где уже ослаблен иннурок. Вот рука ныряет под ткань, вот она достигает сокровенного. Дыхание Яцека становится тяжелым и частым. А Григорий удивляется мощи, скрытой в смуглом теле мальчика.

Яцек судорожно облизывает запекшиеся губы, оборачивается лицом к Григорию. Тому на мгновение кажется, что мальчик хочет поцеловать его. Но Яцек лишь смотрит ему в глаза. Долго смотрит. Потом опускается на колени. Жаркая волна стыда, смешанного с желанием, заливают лицо Григория. Он расслабляет пояс...

И тут в землю вонзается огненное копье, брошенное рукой небожителя Ильи.

Вонзается за миг до окончательного торжества похоти над невинностью.

На небе не спят.
На небе все видят.
Все-все.
И действуют неотложно.

Молния ударяет так близко, что сын Саввы теряет слух и слепнет. Голова превращается в церковный колокол, в библейский кимвал медный и гудит, расшатанная взрывом. Дождевая влага на теле его закипает. Кожа отзывается болью. Грубая домотканая свита мгновенно высыхает и становится жесткой, как жесть. Яцека от него отрывает незримая рука.

Спустя долю времени чувства возвращаются к нему. Разбитое на куски мироздание восстанавливает свою целостность. Картина мира видится раскрашенной в адские цвета. В красные и алые. Соседнее дерево пылает, как неопалимая купина на иконе, написанной полтавским богомазом Пахомием.

Огненный столб поднимается над редколесьем, как торжествующий свидетель кары. Как дух дерева-мученика, взлетающего к серым облакам. Взлетает дух дерева и кричит: «Погибаю, сгораю за грехи существ малых и заблудших!» Яцек истово молится, преклонив колени и сложив ладони перед смертельно побледневшим лицом. По дороге домой они будут мертвецы молчать и не посмотрят более друг на друга.

– Не укрепив свой дух постом и молитвой, сын мой, не иди на войну с бесищем, – услышал Григорий утомленный, но твердый голос отца Кирика. Священник поднес к его губам серебряный крест-мошевик и внимательно смотрел Григорию в глаза.

– На Крест Животворящий зри, не на меня, убогого, – приказал отец Кирик. – Твори молитву Иисусову. Вслух говори, четко.

– Простите меня, грешного, преподобный отче, – виновато прошептал Григорий и начал: «Иисусе Христе, Сыне Божий...». Над ним нависал низкий свод кельи. Кто-то перенес его, беспамятного, в обиталище экзорциста. Выдержанное в аскетических правилах, это жилье пахло свечным салом, чесноком и кошачьей мочой. Григорий вспомнил рыжего кота, бродившего по подземной часовне во время ритуала. Он слышал, что львовские экзорцисты приводят на ритуал домашних животных, чтобы нечистому после изгнания было куда вселиться.

– Бог простит, – произнес священник, убедившись, что в естестве Григория нет видимого демонического присутствия. – У Него, у Него проси смиренномудрия. Если, сын мой, не чувствуешь твердости в себе самом, то как осмеливаешься выходить на смертный бой с прислужниками князя тьмы?

– Прегрешный я и немощный есмь. Отче Кирик, не держите на меня зла.

– Вместо того чтобы канючить и в немощи своей тут расписываться, собирайся, сын мой, в дорогу. На Святую Гору иди, в скиты, к святым предивным молитвенникам афонским. Святогорцы тебя научат, как беса гнать и плоть усмирять. Сей путь тебя не обманет.

Григорий не ответил на совет экзорциста. Он продолжил размышлять о мистической практике использования животных как вместилищ бездомных духов. Думал не потому, что данная практика его остро интересовала. Скорее, ради того, чтобы не давать времени и пространства бытию иных мыслей. Придирчивых и соблазнительных.

Киев, июль, наше время

Вигилярный распахнул створки шкафа. В нем он обнаружил нечто, похожее на языческий алтарь. На каменной призматической тумбе стояла деревянная статуэтка женщины, облаченная в красное с золотой вышивкой платье. Почерневшие руки идола вместо ладоней заканчивались утолщениями, похожими на маленькие чаши. Лицо статуэтки не сохранило четких черт. Время и бесчисленные прикосновения стерли выступы и углубления, превратив его в почти плоскую шайбу. Старое дерево, все в мелких трещинах и пятнах смолы, резко контрастировало с платьем, новым и блестящим. На шею идолу надели крошечный венок из полевых цветов. Они засохли, но сохранили форму и цвет.

Возле тумбы Вигилярный обнаружил чемодан, обшитый темной кожей. Он взялся за ручку и сразу ощутил, что чемодан далеко не пустой. И почему-то не удивился, когда нашел в нем драгоценные вещи. Мешочек с золотыми монетами и два серебряных подсвечника. Он видел подобные в церквях и знал, что когда-то такие подсвечники называли ставниками.

«Так вот что искала та сука, – решил Вигилярный, взвешивая в руке один из подсвечников. – Тяжелая штука, килограмма три будет. Антиквариат. Дукаты тоже интересные... Но тебе, рыжая тварь, – скуластое лицо юной убийцы всплыло в памяти, – все это хрен достанется».

Находка улучшила его настроение.

«Нет худа без добра», – приговаривал Павел Петрович, рассматривая императорские и королевские портреты на золотых монетах. Он решил, что настало время решительных действий. Уже закрыв чемодан, он прикипел взглядом к идолу. К его удивительным рукам-чашам. К его красно-золотому платью. Размышлял он недолго, ибо где-то на глубинном уровне сознания пробился и потек тихий ручеек волевого побуждения: «Действуй, действуй, не сомневайся!» С размещением статуэтки в чемодане возникли проблемы, но он с ними справился.

Осталось лишь незаметно исчезнуть.

Павел Петрович вернулся в коридор и прислушался. Если бы в мастерскую вошли менты, в коридоре были бы слышны их голоса. Но под бетонные плиты, накрывающие подземелье, не проникало ни одного подозрительного звука. Где-то шуршала крыса, где-то капала вода. В кладовке, где Вигилярный нашел сокровище, что-то тихо скрипело. Прислушался: наверно, шатается дверь старого шкафа. Вигилярный погасил в коридоре свет, выключил звук в своем мобильном и двинулся к лестнице, ведущей в мастерскую.

За крашеной дверью никого не было. Осторожно, сдерживая дыхание, он поднялся по ступеням, остановился там, где они поворачивали под прямым углом, и снова прислушался. В мастерской было тихо. Вигилярный уже на полшага выдвинулся за поворот, когда услышал, как открывается гаражная дверь, ведущая со двора в мастерскую.

– Осмотрите это помещение, – приказал кто-то невидимый. – А я пойду еще раз посмотрю в доме.

В мастерскую вошли люди. Один из них тихо выругался. Потом загрохотало железо.

– Выключатель видишь? – спросил хриплый голос.

– Кажется, вот он... Но он не работает, – ответил другой голос. Вигилярному показалось, что у мужчины, искавшего выключатель, необычный акцент.

– А я фонарик забыл.

– У меня есть. В мобильнике, – акцент четко нарисовался в последнем слове.

«Наверное, прибалтиец», – предположил Вигилярный и попятился к двери, пытаясь не выдать себя звуками. Он помнил, что на ступенях лежат мелкие железки, поэтому двигался осторожно, медленно перенося массу тела с носка на всю подошву.

– Оп-па! Есть жмурик, – услышал сообщение «прибалтийца».

– Точно? – почему-то шепотом спросил хриплый.

– Точней не бывает. Вон там, за станком. Лежит головой к стене. Сейчас я посмотрю...

Видю проникающие. Позвони Санычу, пусть вызывает опергруппу.

– Подожди, нужно же его осмотреть. Может, еще жив.

– Да не, это жмур. Стопудовый жмур.

– Давай посвети мне. Вон туда посвети...

Вигилярный не стал ждать, пока менты разберутся с трупом Гречика и отступил в коридор. Больше всего он боялся, что жестяная дверь предательски скрипнет. Но обошлось. Теперь единственным возможным путем побега оставалась боковая дверь, ведущая неизвестно куда. Включить свет он не рискнул, и мысленно поблагодарил неизвестного мента за подсказку. В его мобильнике тоже был фонарик. С его помощью он осмотрел боковую дверь. Ее замок также не устоял перед «карпычем». Эта дверь оказалась скрипучей. Он лишь на несколько сантиметров приоткрыл ее, преодолевая сопротивление ржавых петель.

Вигилярный осветил темноту за дверью. Блеснули стеклянные цилиндры трехлитровых банок.

«Подвал!» – понял он. Обыкновенный погреб с полками, сундуками, консервированными огурцами, повидлом и наливками. Если бы он знал, что из погреба существует прямой путь на улицу, то рискнул бы открыть дверь. Но скрип ржавых петель наверняка выдаст его ментам, которые осматривают труп в мастерской. А в самом доме беглеца, скорее всего, будет ждать «Саныч». Кроме того, на пути могли возникнуть такие сюрпризы, как закрытая снаружи дверь и оперативники во дворе.

Вигилярному захотелось тихо завывать от конкретного ощущения тупика. Теперь его непременно поймают. Схватят с ценностями и обвинят в убийстве.

«Ищи выход, ищи!» – неумоимо ныл внутренний голос.

Вигилярный искал. Он вернулся в кладовку со шкафом. Еще раз обследовал окно, а потом заглянул за шкаф. Ему показалось, что там сгустилась подозрительная тьма. Закрыв дверь в кладовку и принялся отодвигать шкаф. А он был тяжелым, почти полностью сделанным из дубового массива. Вигилярный покрылся потом и вскоре почувствовал боль в спине. Только после нескольких неудачных попыток сдвинуть дубовое сооружение он догадался вынуть из шкафа каменную тумбу-постамент. Дело пошло бодрее. Борьба Павла Петровича с монументальной мебелью достигла такой динамики, что от мебели с треском отвалилась дверка. Опасения, что менты в мастерской услышат этот треск, отступили перед нарастающим страхом загнанного в ловушку зверя.

За шкафом обнаружилась еще одна дверь. Даже не дверь, а что-то похожее на квадратный люк. Его сделали из грубого железа и спрятали в низкой нише. Именно ее темный проем заметил Вигилярный, когда заглянул за шкаф. Вместо замка люк закрывался массивной задвижкой. Строители подземелья, судя по всему, не предусмотрели возможности проникновения

в кладовку снаружи. Лаз, открывающийся за люком, предназначался сугубо для незаметного бегства из дома.

«Эх профессор, профессор, – мысленно обратился к покойному Вигилирный. – Вы так все хорошо продумали, так подготовились к неожиданностям. Но вас все равно смогли захватить врасплох. Как вы там говорили: жизнь сложная и неоднозначная?»

Чтобы воспользоваться лазом, пришлось стать на колени и двигать перед собой тяжелый чемодан. Продвинувшись лазом на несколько метров, он заметил, что приближается к более широкому проходу. Оттуда воняло.

«Канализация!» – догадался Вигилирный.

Триест, 16 апреля 1751 года

Масонская община Триеста была немногочисленной и благородной, как и полагается тщательно законспирированному сообществу. Все местные масоны и масонки были объединены в одну смешанную Иоаннитскую ложу с сомнительной регулярностью и названием «Марк Аврелий»⁴¹. Ложка не имела постоянного храма и ежемесячно собиралась в жилищах сестер и братьев, владеющих просторными и хорошо защищенными домами. В этот раз работы вольных каменщиков из ложи «Марк Аврелий» проходили в парковом павильоне, который, как и ухоженный парк в английском стиле, принадлежал местному богачу графу Рески.

Павильон был оборудован большими окнами, начинающимися чуть ли не от пола. Слугам графа еще с утра было приказано тщательно задрапировать их синими гардинами. Теперь золотистое сияние свеч блуждало шелковыми складками, и от этого все в павильоне казалось причастным к таинственному истоку праздничного настроения.

Работу не начинали, ждали прибытия Досточтимого мастера. Братья и сестры уже развешили эмблемы и расставили атрибуты храма. Теперь они бродили павильоном без определенной цели. Офицеры ложи собрались возле престола, перелистывали протоколы предыдущих заседаний и о чем-то напряженно перешептывались. Граф Рески, уже в мастерском фартуке и с цепью Первого надзирателя на плечах, решил показать сестре Констанце новое венецианское зеркало, которое за день до этого установили в павильоне.

Констанцу, очаровательную супругу банкира Тома, на сегодняшней масонской работе должны были поднять до градуса подмастерья⁴². Исполняя обязанности Второго секретаря ложи, она уже несколько лет вела всю тайную переписку с братьями из других европейских стран. Считалось, что на этом поприще жена банкира достигла изрядной сноровки. Свободно владея несколькими системами шифров, Констанца, почти не заглядывая в шифровальные таблицы, за вечер успевала закодировать и раскодировать до полдюжины длинных посланий, наполненных масонскими и политическими секретами. Эта молодая женщина уже давно интересовала графа. Утонченная и молчаливая, с темной калабрийской кожей и веселыми глазами, Констанца была одной из самых привлекательных учениц на северной колонне⁴³ «Марка Аврелия». Ее муж, напротив, не вызывал у графа ни капли уважения. Невзрачный и неуклюжий, он редко посещал работы ложи и все свое свободное время посвящал выращиванию экзотических растений. Поэтому Рески намеревался действовать решительно. Он дождался момента, когда

⁴¹ Регулярность (орденская легитимность) масонских лож определяется соответствием их Статутов общемасонской Конституции Андерсена и так называемым ландмаркам. Достопочтенная ложка «Марк Аврелий», недолго работавшая в Триесте в середине XVIII века, была смешанной (допускала к ритуалам женщин), что противоречило ландмаркам ордена вольных каменщиков.

⁴² Масонская иерархия имеет тридцать три ступени, называемые градусами. Подмастерье (компаньон) является 2-м градусом.

⁴³ В масонских ложах ученики сидят на северной стороне, возле колонны «В».

между Констанцей и остальными сестрами возникла уместная дистанция, гвардейским шагом подошел к ученице и пригласил ее осмотреть свое новое приобретение.

– Видите, как это зеркало подчеркивает вашу римскую красоту. – Граф расположился у зеркала таким образом, чтобы одновременно видеть и прелестную банкиршу, и ее не менее прелестное отражение.

– Мои родители не римляне. – Констанца поправила золотую бабочку на высокой прическе и вызывающую мушку над левым уголком губ. – Они южане.

– Ваше лицо говорит о том, что среди ваших предков, Констанца, были благородные римляне. Кровь Сципионов и Манлиев свидетельствует о себе и ныне, спустя века. Ваша красота – это *belta folgorante, belta Guidescas*⁴⁴!

– Возможно, – пожала плечами калабрийка. – В нашей семье не сохранились древние родословные... Кстати, граф, мне говорили, что качество венецианских зеркал проверяют при помощи свечи. Сколько отражений пламени можно увидеть в этом зеркале?

– Сейчас проверим, – заверил Рески, взял со стола Первого надзирателя свечу и зажег ее от бра. – Попробуйте сосчитать сами, о прекраснейшая синьора Тома.

– Семь, восемь, девять... двенадцать. Bravo! Вы, милый граф, не бросаете денег на ветер.

– В моем дворце, несравненная синьора, вы сможете увидеть зеркала и лучшего качества. И не только зеркала.

– Я охотно верю вам, граф, – улыбнулась Констанца. – Но осмотр сокровищ вашего дворца мы отложим до лучших времен.

– Что нам мешает? Неужели ревность вашего мужа?

– Моего мужа? Вовсе нет, граф, – рассмеялась красавица. Благодаря особой акустике павильона, ее смех прозвучал слишком громко. В их сторону начали оборачиваться.

⁴⁴ Ослепительная красота, красота в стиле художника времен Возрождения Гвидо Рено (*итал.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.